

УДК 316.4
ББК 60.0
Т35

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
СТАНИСЛАВ ГАВРИЛЕНКО

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Терборн, Й.

Т35 Мир: руководство для начинающих [Текст] / пер. с англ. Е. М. Горбуновой, Л. Г. Титаренко; под науч. ред. С. М. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 336 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1098-8 (в пер.).

Как будет выглядеть мир XXI века, когда теперь главенство Запада больше не является данностью? Как сформировались общества и культуры, существующие сегодня в мире, и как они связаны между собой? И что движет человеческим обществом в наши дни? Короче говоря, каково состояние мира сегодня, когда мы вступаем во второе десятилетие XXI века?

Это первая книга, в которой рассматривается планетарное человеческое общество в целом. В ней излагается социокультурная геология мира, его основных цивилизаций, его исторических волн глобализации, его систем семьи — пола — гендера и его путей к современности; описывается динамика мира, его основные движущие силы и очертания наиболее важных глобальных и субглобальных процессов. В книге показаны большие командные игроки на мировой сцене (богатые страны, разнообразные религии и движения, корпорации и города) и прослеживаются жизненные пути мужчин и женщин на всех континентах от их рождения и детства до старости и смерти.

Написанная доступным языком, книга представляет интерес не только для социологов, политологов, историков, но и для широкого круга читателей.

УДК 316.4
ББК 60.0

Перевод книги: Göran Therborn. The World. A Beginner's Guide.

This edition is published by arrangement with Polity Press Ltd., Cambridge

ISBN 978-5-7598-1098-8 (рус.)
ISBN 978-0-7456-4344-1 (англ.)

© Göran Therborn 2011
© Пер. на рус. яз., оформление.
Издательский дом Высшей
школы экономики, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ТАБЛИЦ.....	9
СПИСОК КАРТ.....	10
ПРОЛОГ: ВНАЧАЛЕ БЫЛО... ..	11
ВВЕДЕНИЕ: ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ЕГО МИР.....	14
I. ПОЧЕМУ МЫ ТЕ, КТО МЫ ЕСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ГЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА	19
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РОК	21
Синская (sinic) цивилизация	22
Индийская цивилизация	28
Цивилизация Западной Азии.....	35
Европейская цивилизация	40
Черная Африка (Африка к югу от Сахары).....	44
СИСТЕМЫ «СЕМЬЯ — ПОЛ — ГЕНДЕР»	50
Конфуцианская восточноазиатская модель семьи	50
Южноазиатская индуистская модель семьи	52
Исламская западноазиатская / североафриканская модель семьи	53
Христианско-европейская модель семьи	55
Семейные системы Черной Африки.....	57
Юго-восточная азиатская модель семьи (религиозно-плюралистическая).....	58
Американо-креольская семья	59
ОТЛОЖЕНИЯ ШЕСТИ ВОЛН ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	60
Образование мировых религий и установление границ цивилизаций, IV–VIII вв. н.э.....	61
Европейский колониализм, XVI — начало XVII в.	69
Франко-британская мировая война 1750–1815 гг. и усиление европейской супердержавы.....	71
Всеобщий империализм и возникновение разделения на экономически развитые и отсталые страны, 1830–1918 гг.	73

Глобализованная политика, 1919; 1941; 1947–1989 гг.	78
Самоутвержденная глобализация и ее изменяющиеся смыслы, 1990 г. —	81
ПУТИ К МОДЕРНУ И ИХ НАСЛЕДИЕ	85
Европейский интернализм	88
Новый Свет и его Другие	90
Колониальная травма: отождествление с агрессором или восстание против него	92
Приспособительные раскрытия и закрытия реактивной модернизации	96
Гибридные пути: в первую очередь Россия и Китай	98
ПОСЛЕДСТВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ	105
Различные нации эпохи модерна	105
Формы представительного правления	110
СУДЬБА РЕЛИГИЙ	116
ОКНА ВОЗМОЖНОСТЕЙ	119

II. МИРОВАЯ ДИНАМИКА: ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ ДВИЖУЩИЕ МЕХАНИЗМЫ .....

СПОСОБЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ: ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА И ПРОЧЕЕ	129
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ И КОНЕЦ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ	133
ЭТНИЧЕСКАЯ, РЕЛИГИОЗНАЯ И СЕКСУАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ПРИЗНАНИЯ И УВАЖЕНИЯ	138
ПОЛИТИКА КОЛЛЕКТИВНОЙ ВЛАСТИ: АПОФЕОЗ ГОСУДАРСТВА	141
КУЛЬТУРА: ГЛОБАЛИЗИРОВАННЫЙ, БЫСТРОРАЗВИВАЮЩИЙСЯ И ОГРАНИЧЕННЫЙ МОДЕРНИЗМ	149
КАНАЛЫ ДИНАМИКИ	154
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ	155
Потоки	155
Сцепления глобального и национального	173
Глобальное действие	174

ПРОЦЕССЫ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ	176
Неравенство: глобальный, национальный и субнациональный уровни	178

III. СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ СЦЕНА .....

СЦЕНОГРАФИЯ: МИРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО	183
КРУПНЫЕ ИГРОКИ	185
Неравномерное поле национальных государств	185
Корпорации	194
Миссионерские организации и общественные движения	198

IV. НАШЕ ВРЕМЯ НА ЗЕМЛЕ: ЖИЗНЕННЫЕ ПУТИ .....

РОЖДЕНИЕ И ВЫЖИВАНИЕ	208
ДЕТСТВО	215
Воспитание детей	215
Школьное обучение	218
Труд	221
ЮНОСТЬ: СЕКС И КУЛЬТУРА	222
Сексуальная география молодого мира	227
Обширное пространство африканской сексуальности	228
Пути Азии: контроль и/или осмотрительность	229
Креольское неравенство	231
Четыре «западных» варианта	232
Брак и конец юности	234
ВЗРОСЛОСТЬ	238
Где жить? Урбанизация мира	239
Добывание средств к существованию I: классы трудовой деятельности	244
Образование классов в капитализме XXI в.	252
Добывание средств к существованию II: богатые и бедные	266
Удовольствия взрослых: отдых и потребление	272
Правящее и неправящее поколение	276
СТАРОСТЬ	277
Выход в отставку и пенсии	278
Жилищные условия	286
ИДЕАЛЬНЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ В XXI в.	289
СМЕРТЬ И ПОСЛЕ СМЕРТИ	290

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КАК МЫ ЗДЕСЬ ОКАЗАЛИСЬ И КУДА МЫ ДВИЖЕМСЯ	291
КАК МЫ ЗДЕСЬ ОКАЗАЛИСЬ?.....	292
КУДА МЫ ДВИЖЕМСЯ?	301
ЛИТЕРАТУРА.....	318

СПИСОК ТАБЛИЦ

II.1. Численность международных мигрантов в мире, 2005 г., по континентам (млн чел.)	160
II.2. Ведущие мировые экспортеры культурной продукции, 2002 (млрд долл. США).....	168
II.3. Национальный прирост населения 2000–2008 гг. (ежегодный уровень, %)	177
II.4. Неравенство доходов жителей планеты, по странам и городам, середина 2000-х годов (коэффициенты Джини) ...	180
III.1. Самые многонаселенные страны мира, 2008 г. (млн чел.)	186
III.2. Крупнейшие страны (в 1000 км ²)	187
III.3. Крупнейшие экономики мира: валовой национальный доход, 2008 г.	188
III.4. Самые процветающие страны и доходы крупных стран. Валовой национальный доход на душу населения в паритете покупательной способности, 2008 г. (долл.)	190
III.5. Самые крупные мировые корпорации, 2009 г. (млрд долл.).....	195
III.6. Доли рыночной капитализации крупнейших компаний, 2009 г. (% от общей рыночной стоимости компаний FT500)	196
III.7. Глобальная иерархия городов по уровню бизнес-услуг, 2000, 2008 гг.	198
III.8. Распространение коллективных договоров, 2007 г. (% от занятых)	204
IV.1. Класс, этничность/раса и нация в средней продолжительности жизни мужчин, начало—середина 2000-х годов (средняя продолжительность жизни в годах) ...	214
IV.2. Особенно важные ценности для воспитания в детях: % тех, кто выделяет необходимость послушания, минус % тех, кто выделяет независимость.....	218

IV.3. Урбанизация крупных стран в 2000-х годах (% городского населения среди всего населения страны)	241
IV.4. Труд в регионах мира, 2008 г.	247
IV.5. Трудовой статус по регионам мира, 2006 г. (% от всех занятых)	250
IV.6. Народные классы в Китае и Индии в середине 2000-х годов (% от всей экономической активности)	257
IV.7. Работающие бедные в мире, 2008 г. (% бедного населения среди всех занятых)	267
IV.8. Группы по доходу в мире, около 2005 г. (% от мирового населения)	271
IV.9. Доля работающих мужчин в возрастной группе 65 лет и старше, 2005 г. (%)	283
IV.10. Относительный уровень бедности лиц зрелого и пожилого возраста, середина 2000-х годов (% от соответствующей группы населения)	285
IV.11. Структура домохозяйств пожилых людей в мире, около 2000 г. (% от населения старше 65 лет)	287

СПИСОК КАРТ

1. Языковые семьи Африки.	47
2. Мусульманские арабские завоевания. 632–750 гг. н.э.	64–65
3. Распространение индийской цивилизации	68
4. Пути к модерну.	102–103

ПРОЛОГ: ВНАЧАЛЕ БЫЛО...

Большинство из нас — новички, когда дело касается человечества в масштабах планеты. Мы гораздо больше знаем о своей собственной стране, иногда — о той части континента, в которой живем: будь то Африка, Европа, Латинская Америка, Северная Америка или часть Азии, но редко имеем представление о целом. И каждый из нас — новичок в XXI в., в веке, который обещает как минимум одно: быть не похожим на предыдущий. Поэтому перед вами руководство для начинающих, написанное для тех, кому любопытно, что происходит в мире; для тех, кто еще не знает всего, что хотел бы узнать; кто не знает того, что мы должны знать о зле, добре и спасении этого мира. Предлагаемая книга не является отражением мнения большинства; это индивидуальный взгляд ученого, результат полувекового опыта социальных исследований, выражающий его страсть к человеческой свободе и равенству и основанный на эмпирических доказательствах.

В этой книге вы найдете социокультурную геологическую карту мира, пространственную схему основных движущих механизмов человеческого общества и определение того, как они действуют в современном мире; получите представление о текущем этапе развития мира и его основных участниках. Вам будет предложено путешествие по жизненному пути человека во всех уголках мира от рождения до жизни после смерти. С другой стороны, эта книга — еще и первая попытка написания такого руководства с использованием никогда ранее не публиковавшихся данных (приводимых лишь на моих лекциях в Кембридже), извлеченных из обширных архивов исследований человека и собственного опыта.

Это путеводитель по миру, написанный в тот момент, когда идея «глобализации» отходит на второй план и проясняется глобальная перспектива. Нам открывается новое пространство социального воображения, не замкнутого более в границах национального государства, и где заявления представителей Североатлантического региона больше не обладают универсальностью; пространство первого или второго, «твердого» или «текучего» модерна, или постмодерна. Это конечная планета,

характеризующаяся огромным разнообразием, взаимозависимым и взаимодействующим. Этот новый мир — мир множества цивилизаций со своей живой историей, а не бинарный мир вчерашних Североатлантических лидеров, противопоставлявших (нашу) цивилизацию угрожающим ей варварам. Это мир новых центров власти и возрождающихся культур, а не только глобальных рынков; мир альтернативных возможностей и различных жизненных путей.

С интеллектуальной точки зрения, возможно, наступает время глобальной социологии как гуманитарной науки, с ее особым вниманием к разнообразию и ограничениям, взаимосвязям и взаимодействиям, а также ее сдержанностью в отношении политических проповедей. Полвека назад в Швеции, в г. Лунде, я поступил в университет с целью изучения политики и экономики, но в процессе обучения узнал о социологии, предлагавшей более научный подход, отражавший скорее локальные особенности, чем универсальную истину. Позднее, в Голландии, я руководил кафедрой политологии, и политическая экономия всегда была важна для меня, хотя моими любимыми учеными были в основном историки, представители модели соединения эрудиции и стиля. Тем не менее я думаю, что социология предлагает наиболее выгодную позицию (точку зрения) для понимания мира в целом, сочетания прошлого и современности. Она широко открыта для других областей знания и дисциплин, сама являясь плюралистической наукой, движимой свободным от парадигматических обязательств любопытством и желанием увязать как можно больше эмпирических доказательств и свидетельств человеческого опыта.

Однако, в конечно счете, все академические дисциплины имеют значение только в пределах узких научных кругов, а эта книга имеет дело с внешним миром. Она написана ученым-гражданином для других граждан мира. Внезапно приходит осознание того, что, помимо всего прочего, мы являемся жителями одной планеты, частью одного человечества.

В заключение несколько слов благодарности. Я не отношу себя ни к кабинетным теоретикам, ни к руководителям исследовательских проектов; я — социолог-ремесленник. Большинство эмпирических фактов, на которых основана эта книга, я раскопал своими руками, жадно и благодарно пожиная плоды институциональных проектов сбора данных, а также результатов на-

учной работы моих коллег из многих дисциплин. Я также крайне признателен моей студентке Маруте Хердинг за помощь. Кроме того, хочу поблагодарить всех моих студентов в Кембридже за один из самых сложных и стимулирующих опытов преподавания и межкультурного обучения. Я также в долгу перед моим редактором и коллегой, профессором Джоном Томпсоном, за его пронизательные критические замечания и дружескую поддержку.

Кембридж, Англия / Лjungбюхольм, Швеция

ВВЕДЕНИЕ: ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ЕГО МИР

Человеческое общество и историю человечества можно понять только через их противоречия. XX век был смертоносным, худшим после XVI в. и европейского завоевания Америки; однако на него пришелся пик чистого прироста населения планеты. Он породил самый ужасный в человеческой истории геноцид, основанный на расизме, оставил нам в наследство осознание единства человечества, существующего в рамках общего конечного мира.

Права человека, Интернет, «глобализация» и Киотский протокол (все это — продукты последней четверти прошлого века) открыли новые горизонты социального понимания и социального действия, т.е. человечества и мира, в котором мы живем. Хотя мы и дальше будем, скажем, китайцами или американцами, мусульманами или индустриальными, рабочими или банкирами, африканскими женщинами или европейскими мужчинами, молодыми или старыми, мы стали на нашей планете членами и заинтересованными участниками общего человечества.

Это было необыкновенное стечение обстоятельств. Постфашистская Всеобщая декларация прав человека ООН 1948 г. хотя и была передовым документом, ее влияние было незначительным в течение долгого времени. Так, утверждение свободы брака (или отказа от него) систематически нарушалось в большинстве стран Африки, Азии и США (в отношении межрасовых браков), и часто — в остальной части американского континента и в Восточной Европе; недавнее законодательство, по крайней мере, формально освободило молодых людей от родительского контроля в выборе партнера. Права человека стали рассматриваться как серьезная проблема в 1960-х годах благодаря деятельности «Международной амнистии» (*Amnesty International*), но стали частью геополитической повестки дня только к середине 1970-х годов. В 1975 г. западные державы подписали Хельсинкские соглашения, признавая границы Европы после Второй мировой войны, что имело ключевое значение для поляков и большинства жителей других стран Восточной Европы, коммунистических или антикоммунистических. В Северной и Южной Америке права человека также стали одним

из ключевых вопросов во второй половине 1970-х годов. В Латинской Америке они явились способом защиты от поражения после того, как все попытки прогрессивных социальных изменений (за пределами Кубы) были подавлены военными диктатурами. В США проблема прав человека получила положительный резонанс в период президентства Картера. Совершенно непредвиденное взаимозамыкание дипломатии холодной войны и признание США прав человека в Северной и Южной Америке сделали эти права неустрашимыми из международной политической повестки, даже несмотря на их нарушения администрациями Рейгана и обеих Бушей.

Сегменты человечества находились в глобальном или, во всяком случае, трансконтинентальном и трансокеаническом контактах в течение длительного времени. Торговля связывала Древний Рим и Индию, а также Индию и Китай около 2000 лет. О присутствии Александра Македонского в Центральной Азии 2300 лет назад свидетельствуют греческой формы статуи Будды в Британском музее. Новым же являются массовые контакты, или контакты масс, массовые перемещения и массовая (само)-коммуникация (*self-communication*). Глобальное телевизионное спутниковое вещание распространилось в значительных масштабах в 1980-е годы. Интернет стал достоянием общественности в 1991 г. Глобальное общение в чатах и клубах, обмен фотографиями появились в 2000-х годах, вскоре приобретаю десятки, даже сотни миллионов пользователей по всему миру. Сегодня сети и спутники достигают почти любой уголок планеты, в то время как в середине моего профессионального пути (в 1980-е годы) едва ли можно было переписываться с коллегами в Италии из-за ужасного состояния итальянской почты.

После окончания холодной войны «глобализация» стала самой часто используемой социальной концепцией, пик популярности которой пришелся на 1990-е годы. Она отражала настроения того времени, настроения во множественном числе — как положительные, так и отрицательные их колебания. В обоих случаях речь шла о глобальном расширении того, что уже существовало ранее — капитала и рынков прежде всего, но также и о расширении культурных связей. Социальные изменения перестали иметь структурное или культурное содержание, и стали исключительно или преимущественно пространственными. Так или иначе, какие бы критические замечания не вызывал дискурс глобализации, правильность его заключалась в акценте на новую взаимоза-

висимость человечества, обеспечиваемую потоками капитала, товарными цепочками, иностранным проникновением на внутренние рынки, увеличением миграционных потоков, интенсификацией культурного обмена и взаимообогащения.

Проблемы окружающей среды в планетарном масштабе впервые оказались в центре внимания в 1972 г. в связи с докладом «Пределы роста» («The Limits to Growth»), выпущенным небольшой, скорее, аристократической группой под названием «Римский клуб». Доклад имел большой резонанс из-за нефтяного кризиса 1973–1974 гг., разгоревшегося вследствие принятия США израильской стороны в четвертой арабо-израильской войне (войне Судного дня) в 1973 г. Организация Объединенных Наций быстро взялась за решение экологической проблемы, организовав конференции в Стокгольме в 1972 г. и в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и предприняв попытку учреждения глобального законодательства в этой сфере. В 1997 г. был принят Киотский протокол. Из-за отказа Конгресса США ратифицировать соглашение, Киотский протокол не послужил началом конкретных действий по защите окружающей среды; однако с началом XXI в. осознание существования общечеловеческой экологической проблемы в результате антропогенного изменения климата значительно выросло. Усилия ООН в Копенгагене в декабре 2009 г. также были в значительной степени неудачны с точки зрения принятия конкретных решений, однако практически все стороны пришли к согласию о существовании единого человечества, столкнувшегося с экологической проблемой планетарного масштаба.

Это новая ситуация в истории людей: массовое осознание единого человечества, непосредственно соединенного с помощью электронных и спутниковых средств, живущего в рамках одной мировой экономики и одной планетарной окружающей среды. Представление о мировом сообществе имеет свою интеллектуальную историю. В европейской традиции существует понятие «всемирно-гражданский план», использовавшееся Иммануилом Кантом и другими авторами эпохи Просвещения, но еще раньше сходные идеи присутствовали в средневековом универсализме Данте и в защите американских индейцев Бартоломе де Лас Касасом¹ [Bartelson 2009]. Но это было лишь интел-

лектуальное представление, и за надеждами Канта на «вечный мир» последовали кровавые Наполеоновские войны, последний этап франко-британской мировой войны. Мир как нечто иное, отличное от всего остального, имеет долгую историю массового увлечения исследованиями и завоеваниями. Мы все в долгу перед интеллектуальной и физической смелостью великих географов и картографов (начиная со Страбона и Меркатора) и великих путешественников и исследователей (ибн Батута², Марко Поло, Чжэн Хэ³, Фернана Магеллана, Джеймса Кука, Александра фон Гумбольдта и др.); мы также наследники неоднозначных «трофеев» великих завоевателей — от Александра Македонского до Чингиз-хана и Эрнана Кортеса и их более поздних последователей.

Теперь наша задача — понять этот новый общечеловеческий мир, чтобы иметь возможность действовать в нем. Самое простое — начать с признания того, что общность не всегда влечет за собой единообразие и равенство. Напротив, любое правильное понимание современного человечества должно учитывать его разнообразие и существующее неравенство, априори не меньшее, чем неравенство, характеризующее помещичьи деревни, колонии, систему индийских каст или современный «глобальный город». Это всего лишь предостережение против обманчивого общего мнения о существовании условий для единообразия и равенства. Но тогда встает реальная задача.

Чтобы понять человечество и его мир и уметь действовать по отношению к ним, мы должны кое-что знать о следующем. Во-первых, почему мы такие, какие есть? Откуда происходят наши особенности, наши знания и заблуждения? Эти вопросы требуют обращения к *социокультурной геологии*, к длительным «слоям» нашей истории, к устойчивым последствиям существо-

Известен своей борьбой против зверств и насилия со стороны испанских колонистов и конкистадоров в отношении коренного населения Америки. Автор фундаментальной «Истории Индии». — *Примеч. ред.*

² Ибн Батутта (1304–1377) — арабский путешественник и купец. Автор книги «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий». — *Примеч. ред.*

³ Чжэн Хэ (1371–1435) — китайский флотоводец, путешественник, дипломат. Возглавлял семь крупных морских торгово-военных экспедиций, посланных императорами династии Мин в страны Восточной Африки, Аравийского полуострова, Индостана и Индокитая. — *Примеч. ред.*

¹ Бартоломе де Лас Касас (1484–1566) — испанский священник-доминиканец, первый постоянный епископ Чьяпаса и историк Нового Света.

вания древних цивилизаций, множественных волн глобализации, различных путей к современности. Наши взгляды на мир, наши фундаментальные убеждения, эстетические вкусы, наши языки, наши формы социального взаимодействия, наша политика и наши спортивные интересы могут быть прослежены в нашей исторической формации.

Во-вторых, почему мы поступаем именно так, а не иначе? Я покажу, что существуют пять основных движущих механизмов развития человечества, создающих *мировую динамику*. Они ни в коем случае не представляют собой исчерпывающее объяснение человеческого состояния, но стимулируют развитие социального мира. Куда они нас приведут, неведомо ни Богу, ни ученым. Но их можно понять и соответствующим образом использовать.

В-третьих, можно говорить о мировой сцене геополитики и геоэкономики, а также о средствах массовой информации. И хотя мировые идолы и знаменитости являются важной составляющей современного человечества, здесь важно обратить внимание прежде всего на небольшое число крупных коллективных игроков, доминирующих в поле мировой власти.

Далее, существует понятие жизненного пути человека, конечного периода времени, отведенного нам на земле. Каждый из почти семи миллиардов людей проживает свою жизнь по своему, но мы все подчинены влиянию заранее запрограммированных жизненных путей, коротких или длительных, с различными «остановками», характерными вызовами и обрядами перехода, начиная с рождения и младенчества и кончая старостью и смертью. Эти жизненные пути и их возможности в разных частях планеты и в различных социально-культурных средах поддаются социальному пониманию и анализу. Современные жизненные пути человека заданы геологией человеческой истории, поощряются или блокируются динамикой современной мировой сцены.

И наконец, мы сделаем некоторые выводы о том, как человечество пришло туда, где мы сейчас находимся, и предпримем попытку ответить на вопрос, на который трудно или нельзя ответить: куда мы движемся?

I. Почему мы те, кто мы есть: социокультурная геология современного мира

Для того чтобы правильно относиться друг к другу и взаимодействовать, нам, как членам человечества, необходимо понимать наши различия и не только наиболее очевидные: например, что мы не похожи друг на друга и говорим на разных языках. У нас разные фундаментальные ценности и вкусы, представления о мире и ожидания от жизни, разное отношение к телу, полу и семье. Хотя ни один социолог или психолог никогда не будет в состоянии постичь бесконечное разнообразие человеческой индивидуальности. Наши различия, как правило, тяготеют к историческим и географическим моделям, и тем самым могут быть поняты.

Мы, люди, являемся наследниками разных культур и различного исторического опыта. Наша первая задача в попытке понять мир человечества заключается в необходимости разобраться с этим историческим происхождением и опытом. Наиболее перспективным подходом, который едва ли использовался до сих пор, является анализ современных человеческих обществ и конфигураций с точки зрения социальной геологии. Социокультурная матрица, в соответствии с которой мы были созданы, возникла не вчера. Ее лучше воспринимать как образованную отложениями разных социальных процессов различных эпох.

Очерчивание контуров современной глобальной социальной геологии подразумевает обращение к мировой истории; и здесь 1300 (или около того) страниц «краткой» мировой истории Фелипе Фернандеса-Арместо [Fernandez-Armesto 2008] являются прекрасным началом. Эта книга не «заигрывает» с историей, не конкурирует с ней. Она смотрит на пласты истории с выигрышной точки зрения — точки зрения настоящего. В центре нашего внимания не историческая запись, а историческая ДНК, носителями которой мы являемся в своем социальном и культурном оснащении.

С этой точки зрения из множества локальных страт я выделил три наиболее важных обширных слоя человеческой общественной формации. Самый древний слой мы можем, пользуясь повседневным языком, назвать «цивилизациями» (именно во множественном числе). Это пространственно укорененные культурные образования, оказывающие длительное воздействие, с «классическими» языками, текстами и/или устными традициями, с характерными взглядами на жизнь до и после смерти, своим чувством прекрасного, понятиями семьи, пола и гендера.

Во-вторых, на мировые исторические модели общества и культуры постоянно влияют транскультурные, трансгосударственные, трансконтинентальные процессы, которые мы можем обозначить как *волны глобализации* (waves of globalization) (даже притом, что до 1492 г. они не были глобальными в буквальном смысле этого термина). Распространяясь благодаря дальним путешествиям, возможностям коммуникации и обмена на большие расстояния, эти волны ни в коем случае не были исключительно экономическими по своей динамике и значению. Религия и политика также оказывались на переднем крае. Волны глобализации привели к образованию двух важных гибридных систем «семья — пол — гендер» (family — sex — gender systems) в Юго-Восточной Азии и Америке.

Третьим слоем является «модерн» (modernity), мир модерна. Так же как художественные музеи в настоящее время отличают современное (contemporary) искусство от искусства модерна (modern), мы должны отличать современный мир от мира модерна. Последний является важнейшим историческим слоем нашей формации по двум причинам. Во-первых, в борьбе за культурное доминирование модерн двигался разными путями и сталкивался с различными группами сторонников и противников. Эти пути повлияли на то, насколько большой вес мы придаем сегодня религии, идеологии, классу и языку. Во-вторых, рождение мира модерна ознаменовало появление современного разделения, эвфемистически обозначаемого как «развитые» и «развивающиеся» (или «слаборазвитые») страны. Почти для любого из нас факт рождения в той или иной стране имеет огромное значение. Почему этот разлом образовался и разделяет мир уже в течение двух веков, остается предметом бесконечных споров. Но вопрос, как это случилось, кажется несколько

менее спорным. С геологической точки зрения этой книги этот разлом образовался благодаря слиянию путей к модерну и четвертой волны исторической глобализации.

Другими словами, мы есть те, кто мы есть, благодаря цивилизации и системе «семья—пол—гендер», в которой были воспитаны; месту нашего дома в повторяющихся исторических волнах глобализации, следующих одна за другой; и, наконец, опыту борьбы нашего общества *за* и *против* модерна. Индивидуалисты не ошибутся, добавив, что эти условия могут быть другими и даже отвергнутыми; но они наивны, если полагают, что можно не учитывать их воздействие.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РОК

Глобальный геологический подход, принятый в этой книге, сужает и фокусирует наш взгляд на цивилизациях, к исследованию которых можно подойти по-разному (см.: [Braudel 1963/1987; Fernandez-Armesto 2000; Huntington 1996; International Sociology 2001]). Сравнительное исследование евразийских цивилизаций стало «изящным искусством» уже в Багдаде IX в. [Chaudhuri 1990: 67]. Мы говорим о крупных, устойчивых во времени культурных образованиях, актуальных для нашего современного мира. Исторически они были сформированы геопространственными силами. Первое правило грамматики цивилизаций Броделя гласило, что «цивилизации — это пространства», однако этот факт может ускользнуть от взгляда неспециалиста. Эти образования характеризуются наличием своего космологического и морального мировоззрения, структуры символического воображения, и — в письменных цивилизациях — одного или нескольких классических языков и классических канонов космологии, этики, политики и эстетики. Возможные столкновения или диалог между цивилизациями не являются предметом нашего исследования. Далее мы рассмотрим, в какой степени цивилизации оказывают влияние на динамику современного мира.

Для этой цели мы выделим пять основных древних цивилизаций, обладающих устойчивым значением. Это не исчерпывающий список, но я утверждаю, что не существует никакой другой цивилизации, обладающей таким же или большим значением с точки зрения количества людей, «воспитанных» в ней. Следует

помнить, что мы не стремимся дать краткое историческое описание цивилизаций или другого слоя социокультурной геологии мира; наша задача — показать их ключевые особенности, имеющие актуальное значение.

Синская (Sinic) цивилизация

Синская цивилизация является самой крупной. Зародившаяся и сосредоточенная в Китае, она позже распространилась далеко за пределы Ханьской (*Han*) культуры на Корею, Японию и Вьетнам. Прилагательное «синский» используется в цивилизационном анализе для обозначения этой более крупной формы. Один исследователь недавно назвал ее «синосферой» (*Sinosphere*) [Fogel 2009]. Ее китайское ядро, развивавшееся вдоль и между рек Янцзы и Хуанхэ, является самой древней из всех основных существующих цивилизаций. И это — единственная сохранившаяся цивилизация из всех великих древних речных цивилизаций, включая основанные на берегах Евфрата и Тигра, а также Нила и Инда. Это цивилизация с высокой плотностью населения, питающегося рисом и просом, управляемая крупной централизованной политической организацией, которая только в виде исключения оказалась поделенной между разными правителями. Это оседлая цивилизация, которая более 2000 лет назад в качестве защиты от кочевых «варваров» создала крупнейшее в человеческой истории сооружение — Великую китайскую стену.

Наиболее характерной особенностью синского мировоззрения является не-трансцендентная моральная и социальная философия без Бога и богов. Обычно ее обобщенно именуют «конфуцианство». Распространившиеся в настоящее время по миру китайские культурные центры носят имя Конфуция (умершего в 479 г. до н.э.). Синская цивилизация — это отчетливо мирская цивилизация без священных текстов, божественных писаний и откровений. Жизнь человека проходит в соответствии с законами родства, и моральным долгом является его сохранение и почитание. Домашние алтари посвящены не богам, а предкам. Ключевой социальной нормой является «сыновняя почтительность» — любовь и уважение сына к своему отцу.

Это верно, что синская традиция признает нечто вземное и возвышенное: император был Сыном Неба и правил на основании его мандата. Но это Небо, оставаясь неопределенным, не

скрывало ни господствующего патриарха (Бога в иудаизме, христианстве или исламе), ни божественных драм и воплощений индуизма, ни анимизма потустороннего африканских верований. Император может лишиться мандата, но не потому что был нарушен какой-то божественный закон. «Небо видит, как люди видят; Небо слышит, как люди слышат», объяснял Мэн-цзы, образцовый ученик Конфуция [Tu 1990: 119]. Сам Конфуций задал эту мирскую ориентацию: «Если вы еще не в состоянии выполнить свой долг перед человеком, как же вы можете выполнить свой долг перед духами?»; «Не понимая жизни, как вы можете понять смерть?» [Bodde 1981: 321]. Эта моральная философия оставляла обширное пространство не только для различных религиозных верований (буддизм и даосизм вместе с конфуцианством составляют «Три учения» Китая), но и для всех видов магических представлений и практик. Однако это пространство всегда будет периферийным, как если бы в Европе и Западной Азии христианство и ислам оставались народными побочными побегам господствующей аристотелевской философии.

Современному миру конфуцианство оставило в наследство светскую политику, меритократический образовательной креденциализм и патриархальную семейственность. Хотя объяснимая гордость за древнюю силу и славу способствовала консерватизму, политическим модернизаторам «синосферы» никогда не пришлось столкнуться с мощным религиозным противостоянием — ни японским западникам конца XIX в., ни китайским, северокорейским или северовьетнамским коммунистам (с коммунистами Южного Вьетнама было по-другому), ни увлеченным контролем за рождаемостью, введенным в капиталистический период после Второй мировой войны в Южной Корее и на Тайване. Выдающаяся экзаменационная система Китая, которая осуществляла формальный отбор чиновников на основании достижений в классическом образовании и которая не была полностью институционализирована в Японии, но распространилась в Китае, Корее и Вьетнаме, определила высокую ценность образования, которое в принципе было доступно для всех. Массовое образование стало козырем в развитии Восточной Азии в XX в. К анализу семейной системы, унаследованной и воспроизводимой, мы вернемся ниже.

Для наследников синской цивилизации ключевой ее особенностью является язык, т.е. письменный язык, идеографическая

китайская письменность. Такая письменность — классический язык этой цивилизации. Она была языком общения образованной части общества во всем регионе по крайней мере до Второй мировой войны, несмотря на то, что разговорные языки оставались взаимно непонятными, а в Японии, Корее и Вьетнаме были изобретены свои варианты письменности. Общение в этой классической китайской письменности обозначалось как «разговор кисти» [Howland 1996: 44ff]. Идеограммы понятны образованным людям на всем пространстве цивилизации поверх национальных границ, так же как цифры и математические символы понятны, скажем, англичанину и русскому. Японцы и корейцы разработали свою собственную более простую слоговую письменность, ставшей доминирующей в XX в.; а в конце XIX в. французским колониальным миссионерам удалось приобщить вьетнамцев — также разработавших свою местную «низко-культурную» письменность, — к латинскому алфавиту, дополненному набором диакритических знаков.

Китайские иероглифы, *кандзи*, до сих пор являются частью японской письменности и классического образования в Восточной Азии. По настоянию своих основных корпоративных доноров крупнейший частный университет Сеула — Корейский университет, — где я преподавал в 2007 г., при приеме студентов требует знания 2000 китайских иероглифов. Эта письменность также дала начало особому виду искусства — каллиграфии. Хотя и не будучи единственной, она (письменность) культивируется также в исламской цивилизации и сохраняет непревзойденное положение в синской цивилизации. Главный монумент пекинской площади Тяньаньмэнь, расположенный перед большим мавзолеем Мао, — обелиск, посвященный «Народным героям». Его оригинальная надпись сделана в каллиграфии Мао, а текст принадлежит премьер-министру Чжоу Эньлаю¹.

Сегодня классическое образование в синской цивилизации, как правило, социально и интеллектуально фрагментировано, так же как и классическое образование в Европе, но мои китайские студенты Кембриджа изучали Конфуция. Надлежащее классическое синское образование включало, прежде всего,

«Аналекты» Конфуция и конфуцианское «Пятикнижье»: «Книгу перемен», «Книгу документов» (о справедливом правлении), «Книгу песен» (об эмоциях), «Книгу обрядов» (о социальных отношениях), «Вёсны и осени» (летопись древнекитайского княжества Лу) [Tu 1990: 123ff], а также канонические тексты — «Книгу поэзии» и «Книгу музыки» [Poceski 2009: 37].

Классические формы архитектуры сформировались во время правления династии Тан (VII–X в. н.э.), но классические принципы городской планировки зародились задолго до этого. Они по-прежнему определяют центр Пекина (Запретный город и его окрестности), планировку Киото и центрального Сеула, архитектуру конфуцианского комплекса Ван Мьеу в Ханое, часто называемого Храмом литературы [Logan 2000: 26ff]. Современные небоскребы Восточной Азии с их — в целом — международным стилем зачастую содержат отсылки к юго-восточному канону (своеобразный реверанс «вверх тормашками», так как классическая синская архитектура была малоэтажной и горизонтальной) и учитывают принципы фэн-шуй, относящиеся к геомантии. Региональные и национальные версии встречаются по всей Восточной Азии, однако «неоклассическое» строение здесь узнаваемо отличается от южноазиатского или европейского неоклассицизма.

Восточноазиатская часть синской цивилизации — это густонаселенная территория, по-прежнему ориентирующаяся на древние нормы долга и гармонии. Совершение преступления и распад семьи здесь более редки, чем в остальной части мира. Стиль управления может быть авторитарным и репрессивным в отношении диссидентов, однако социальная гармония и согласованное принятие решений остаются важными нормами.

Поддерживаются древние исторические традиции, что выражается, например, в императорских ритуалах Японии, недавно построенных музеях Сеула, новой монументальности Ханоя и в конфуцианском облачении современного китайского государства. В Пхеньяне — известном в начале XX в. как Восточный Иерусалим благодаря успешному прозелитизму шотландских пресвитериан, — разрыв с прошлым выражен сильнее, но в Китае Мао гордился своим классическим образованием, включавшим историю, поэзию и каллиграфию, и активно его использовал. Он несколько раз перечитывал двадцать четыре Династические хроники, охватывающие время правления всех

¹ Чжоу Эньлай (1898–1976) — китайский политический деятель, первый премьер Госсовета Китайской Народной Республики с момента ее основания в 1949 г. — *Примеч. ред.*

императоров Китая с 221 г. до н.э. по 1644 н.э., и часто обсуждал их со своим врачом или в частных беседах. Перед своими многочисленными свиданиями он нередко предлагал девушкам прочесть классическое даосское руководство (с древними редкими символами), посвященное интимным отношениям [Li 1994: 122ff, 358].

Личности, порожденные этой цивилизацией, не эгоцентричные, а социоцентричные или контекстно-ориентированные. Языкам этого региона свойственно наличие нескольких слов соответствующих английскому «i» («я»), использующихся в зависимости от социального контекста. Во вьетнамском языке при обращении к родителям или ссылаясь на самого себя, следует избегать употребления местоимений первого лица, а вместо этого использовать такие выражения как «Ваш сын / Ваша дочь» (знанием этого факта я обязан моему бывшему выдающемуся вьетнамскому студенту Пхаму Ван Бику; о китайском, японском и корейском языках см.: [Nisbett 2003: 51ff, 178].

Со времен Древней Греции в современной Европе и Америке всегда существовал интерес к действующему индивиду, к действию и его ограничениям, интерес, возродившийся в социологических дискуссиях 1980-х годов о действии и структуре. Восточноазиатским контрапунктом к этому является интерес к взаимоотношениям, цельности и «гармонии» целого, в котором все люди и группы имеют свое место, как удачное сочетание трав и специй в хорошем блюде. Сегодня достижение «гармонии» представляет явную цель политики китайского правительства. Европейско-американской борьбе добра со злом противопоставлено восточноазиатское избегание разделения и стремление к согласованию. Это цивилизационное наследие лежит, например, в основе японской государственной политики и корпоративного управления, а также принципов принятия решений в АСЕАН². И лучше не злоупотреблять необоснованными примерами непрозрачности современной китайской системы принятия решений на верхнем уровне. Однако есть еще один — видимый — аспект этой системы: ориентация на долгосрочную перспективу, радикальная и терпеливая в одно и то же время, которая харак-

теризовала модернистское политическое планирование Японии XIX в. эпохи Мэйдзи³ и отличает социально-экономические реформы в Китае в постмаоистский период.

Используя в своей работе целый ряд фактов со времен древней китайской и античной греческой философий до современных сравнительных исследований развития ребенка, психологии и менеджмента, включая кросс-культурные студенческие эксперименты, американский психолог Ричард Нисбетт продемонстрировал, как синская и европейская цивилизации создали различные способы видения и познания мира. Эти различия присутствовали у великих философов 2500 лет назад, и они же наблюдаются и сегодня, в 2000-е годы, среди родителей, детей, студентов и управленцев. Конечно, эти различия носят вероятностный характер и не вписаны в каждого отдельного китайца, японца, европейца или американца европейского происхождения.

Европейцы склонны описывать мир в аналитических категориях, жители Восточной Азии — через сети отношений. Простой пример, используемый Нисбеттом в его экспериментах (и из-за которого его неожиданно обвинили в европоцентризме), состоит в том, чтобы спросить людей, какие два предмета из трех связаны друг с другом. Например, панда, обезьяна и банан. Европейцы обычно связывают панду и обезьяну как принадлежащих к одной и той же категории — животным. В свою очередь представители Восточной Азии чаще выбирают обезьяну и банан, поскольку обезьяны едят бананы. Евро-американцы видят мир в категории «или — или», в то время как жители Восточной Азии — в противоречивых диалектических категориях: X так же как и не-X. Мао Цзэдун, возможно, не был таким великим мыслителем, как утверждали льстецы, но его вклад в марксизм заключался именно в его чувстве диалектики, присущем китайцу.

Сегодня синская цивилизация особенно гордится богатым культурным наследием древней, продолжающей существовать цивилизации, которая даже после упадка и интеллектуального неприятия в конце XIX — начале XX в. по-прежнему присутствует в современных, процветающих и быстро развивающихся

² АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (англ. *Association of South East Asian Nations*), политическая, экономическая и культурная организация стран региона Юго-Восточной Азии, основанная в 1967 г. — *Примеч. ред.*

³ Эпоха Мэйдзи — время правления 112-го императора Японии Муцухито (1868–1912), взявшего имя Мэйдзи («просвещенное правление»). Этот период в истории Японии ознаменовался широкомасштабными политическими, экономическими и социальными реформами, превратившими ее в мировую индустриальную державу. — *Примеч. ред.*

странах. Эта гордость носит наиболее всеобщий характер в Китае; см.: [Jacques 2009: chs. 7–8], центре цивилизации, в то время как в Японии, Корее и Вьетнаме она становится частью национальных культурных традиций. Основной исторической слабостью этой цивилизации стала ее замкнутость, которая в конечном итоге привела к самоизоляции от остального мира, вызвав, в свою очередь, стагнацию науки, техники и экономики. К середине XIX в. это стало для нее почти губительным. В качестве же наиболее важных преимуществ, вероятно, следует назвать традицию крупномасштабной коллективной организации труда, гражданскую дисциплину, высокую значимость образования и обучения, а также ее светскую ориентацию, оставившую крайне ограниченное поле для религиозного консерватизма и межрелигиозной борьбы.

Индийская цивилизация

Слова «Индия», «индийский» (Indic), а также «индуист» (Hindu) происходят от названия реки Инд, протекающей в современном Пакистане; однако, насколько это известно, ни одно из них не связано напрямую с цивилизацией долины Инда, которая исчезла около 4000 лет назад⁴. Индийская цивилизация зарождается 500–1000 лет спустя, развиваемая народами, пришедшими с северо-запада Ирана и Центральной Азии («арийцами», от которых происходит нынешнее название Ирана) через перевалы современного Афганистана и страны пяти рек — Пенджаба. С северо-запада она распространилась веером на восток по долине Ганга, ставшей священной рекой индуизма, на которой располагается, пожалуй, главный религиозный центр этой полицентричной веры — Варанаси (или Бенарес). Значительно позднее она достигает южной Индии.

Индийская цивилизация имеет к Индии то же отношение, что и синская цивилизация к Китаю: она расширяется за границы привычной Индии на юг и восток, включая современную Шри-Ланку, Бали и Яву, Мьянму/Бирму, Таиланд, Лаос, Камбоджу и южный Вьетнам. Она также распространилась на север:

⁴ Имеется в виду так называемая «индская», или «харапская», цивилизация, одна из трех (наряду с шумерской и египетской) древнейших цивилизаций человечества. — *Примеч. ред.*

Гималаи, Непал и Тибет, ламаизм которого является ответвлением индийского буддизма. Европейское выражение «Индокитай» отражает место встречи синской и индийской цивилизаций. Это — юго-западная оконечность китайских иероглифов, архитектуры и палочек для еды, но также и материковая восточная оконечность санскритской письменности, индийских скульптурных храмов (распространившихся в Камбоджи с ее гигантским индуистским храмовым комплексом Ангкор-Ват, в Лаосе и южном Вьетнаме эпохи Чампа в первой половине второго христианского тысячелетия) и традиций чтения Махабхараты и Рамаяны, все еще являющихся частью королевских обрядов Таиланда [Coedès 1966, 1968].

Когнитивные психологи обнаружили некоторые сходства в механизме каузальной атрибуции между культурами Восточной и Южной Азии, придающим, в отличие от евро-американских культур, большее значение ситуации, чем намерению актора [Nisbett 2003: 114ff]. Можно отметить и другие сходства, например холисткое мировоззрение, в котором индивиды встроены в более широкий контекст [Singh 2002: 32ff]. Разными способами эти цивилизации оказались способными допустить религиозный плюрализм и управлять им, хотя в обоих случаях принцип религиозной терпимости время от времени нарушался фанатичными правителями. Светская традиция конфуцианской моральной и политической философии оставила открытым пространство для различных личных верований и практик: даосистских, буддийских, синтоистских, христианских. Бесконечно политеистический индуизм, со своей стороны, может легко сосуществовать с джайнистскими, буддийскими, иудейскими, христианскими, мусульманскими и сикхскими богами и верованиями.

Но в некоторых отношениях индийская и синская цивилизации диаметрально противоположны, несмотря на их географическую близость и основанный на буддизме культурный обмен, начавшийся 1500–2000 лет назад.

Если синская цивилизация — преимущественно земная и светская, то индийская цивилизация погружена в религию. Религиозность индийцев была широко известна уже в эллинистическом мире и (правда, это недостоверно) в классической Греции. Епископ начала IV в. н.э. рассказал вот такой анекдот. Индеец попросил Сократа определить его философию и получил такой ответ: «Это изучение человеческой реальности». По-

сле чего индийский гость взорвался презрительным смехом: «Как может человек исследовать человеческую реальность, игнорируя божественную реальность!» [Braudel 1963–1987: 66].

Вероятно, наиболее отличительной чертой индийской цивилизации, общей для индуизма и буддизма, является понятие о переселении или возрождении душ, а также идея, что жизнь души после ее реинкарнации определяется деяниями, совершенными в предыдущей жизни. Это задало прочную и глубоко религиозную основу иерархического общественного разделения на *варны*, первоначально не сильно отличавшегося от аналогичных концепций Восточной Азии и Европы. В индийской версии существовала четыре основных ранга: священническая каста браминов (также называемых брахманами), правители-воины — кшатрии, земледельцы, ремесленники и торговцы — вайши, а также слуги и наемные работники — шудры. Под нижней кастой позднее возник слой «неприкасаемых», в обязанности которых входила наиболее грязная работа: например, уборка отхожих мест или свежевание убитых животных. Постепенно стали различаться множество наследуемых профессиональных *джати*, или каст. Все члены каст должны были вступать в брак внутри своей касты, и социальное взаимодействие между кастами регулировалось религиозно обоснованными принципами чистоты и осквернения. Брахман не мог принимать пищу или воду из рук представителя низших каст; неприкасаемые должны были держаться в стороне от всех остальных членов общества, никогда не позволяя своей тени упасть на них, и т.д.

Большинство жестких иерархических кастовых границ и «оскверняющих» табу сегодня размываются. Независимая Индия дала членам низших, «неприкасаемых», каст привилегированный доступ к работе по найму. Демократическая политическая система выдвинула ряд видных политиков *далитов*, бывших неприкасаемых, начиная с выдающегося Б.Р. Амbedкара⁵, отца индийской Конституции, и кончая популярным премьер-министром штата Уттар-Прадеш Маявати, которая хотя и была избрана демократическим путем — трижды на сегодняшний день — мало чем отличается от плебейского Карибского

⁵ Бхимрао Раджи Амbedкар (1891–1956) — индийский политический деятель, лидер «неприкасаемых», юрист. Основной автор индийской Конституции. Радикальный критик кастовой системы. — *Примеч. ред.*

каудильо⁶ XIX в. Бывшие неприкасаемые теперь могут войти в большинство, если не во все, магазины в своем селении и пользоваться деревенскими колодцами. Хотя брачные объявления, размещенные в газетах Дели, по-прежнему были сгруппированы по кастам, когда я изучал их несколько лет назад, в конце всегда был также небольшой раздел «каста не имеет значения». Тем не менее кастовая иерархия, распространившаяся и на южно-азиатских мусульман, по-прежнему является важным наследием индийской цивилизации. В то время как границы этой иерархии размываются под влиянием политики чисел, кастовая самоидентификация и кастовые объединения представляют собой очевидные цели политической мобилизации. И, чтобы всем было очевидно, каста человека отражается в его имени (Литература о кастовой системе Индии обширна. Из последних важных работ, которые я использовал, можно отметить следующие: [Yadav 2006; Rao 2009; Thorat, Newman 2010]).

Махатма Ганди был выдающимся представителем своей культуры и выдающимся политическим лидером своего народа. Он не был статистически репрезентативным лидером, но являлся основным современным воплощением индийской цивилизации, о чем свидетельствуют его дерзкие попытки заставить представителей высших каст мыть туалетные комнаты Индийского национального конгресса. С политикой, нагруженной символизмом, отказом от стратегии промышленного развития и суровым телесным аскетизмом, его появление было бы невысказано (или же расценено как чудачество) в любой другой части мира.

Индия по-прежнему является сценой удивительных религиозных представлений: обнаженные блуждающие *садху*, или святые люди, *девадаси* — проститутки, еще в детстве отданные бедными родителями для служения в храмовых церемониях, тантрические «пробудители» духов из черепов и многие другие «артисты», имеющие мало общего с более знакомым нам современным миром бизнеса, кино и медицины [Dalrymple 2009]. Индия действительно воплощает в себе всё, в том числе и все противоположности мира. Атеизм также занимает значитель-

⁶ От исп. *caudillo* — предводитель. В странах Латинской Америки и Испании политический лидер, иногда глава государства, осуществляющий личную диктатуру. — *Примеч. ред.*

ное место в чрезвычайно пышном букете индийских верований. Самая крупная региональная политическая партия южного штата Тамилнад ДМК⁷ была еще более воинственно атеистической, чем французский государственный лаицизм⁸ или турецкий кемализм⁹. Она не только запретила в 1967 г. изображения богов и богинь в школах и государственных учреждениях штата, но и организовала конференции по «искоренению суеверий» [Smith 2003: 147]. Культура, почитающая своих многочисленных аскетов, также создала самое известное в мире эротическое руководство — Камасутру — и построила наиболее откровенный сексуальный храм в мире — Кхаджурахо. Но религиозные обряды, совершаемые в домашних условиях, а также в храмах или в священной реке Ганг, остаются важной частью индийской жизни. Субконтинент и его островное дополнение Шри-Ланка при всем их разнообразии — это также места межобщинного религиозного насилия, движимого не только боевиками Хиндутвы¹⁰, но также буддийскими фанатиками в Шри-Ланке и внутриисламским конфликтом в Пакистане.

Мандарины Восточной Азии вынуждены были бороться за свой статус хранителей знаний в первой меритократической системе в мире, в то время как брахманы унаследовали свои знания, которые были недоступны для не-брахманов. Индия и Южная Азия до сих пор имеют высокий уровень неграмотности наряду с очень развитой системой высшего образования, «штампующей» IT-инженеров и интеллектуалов.

Синская цивилизация имела единственный политический фокус: император и его империя. Индия никогда не имела имперского центра. То, что сейчас является Индийским Союзом,

⁷ Дравида Муннетра Кажagam — Федерация дравидского прогресса. — Примеч. пер.

⁸ Лаицизм (от фр. *laïcité* — букв. нерелигиозность, светскость) — французское политическое движение за секуляризацию общественной жизни. — Примеч. ред.

⁹ Кемализм — идеологическая доктрина турецкого национализма эпохи модернизации, выдвинутая Мустафой Кемалем Ататюрком (1881–1938) В основу кемализма положены шесть принципов («шесть стрел»): революционность, республиканизм, народность, национализм, лаицизм, этатизм. — Примеч. ред.

¹⁰ Хиндутва — массовое движение в Индии, отстаивающее принципы индуистского национализма. Объединяет целый ряд индийских националистических организаций. — Примеч. ред.

до 1947 г. никогда не обладало политическим единством, а крупнейшие политические образования индийского субконтинента возглавлялись неиндуистскими правителями. Ашока (III в. до н.э.) был буддистом, Великие Моголы XVII в. н.э. — мусульманами тюрко-монгольского происхождения («могол» — это персидское слово, означающее «монгол»), а их британские преемники XIX–XX вв. — христианами. Великие Моголы, правившие на субконтиненте в XVII в., имели первостепенное значение, но они никогда не являлись объединяющим континент фактором, и их положение не было неоспоримым. Британское господство объединило области прямого колониального правления, сосредоточенные в Калькутте, Дели, Бомбее и Мадрасе, большую часть современных Пакистана, Бангладеш и Бирмы, а также так называемые защищенные княжества, из которых наибольшую важность представляли Хайдарабад, Майсур и Раджпутан. Индийская цивилизация была объединена на базе политеистического набора религиозных представлений о жизни, существовании до рождения и после смерти, обязательствами *дхармы*¹¹, деяниями и ритуалами *камы*¹². Ключевую роль здесь сыграли брахманы (обладавшие ритуальным превосходством над правителями) с их храмами и знанием священных законов и обрядов, передаваемых на языке элиты субконтинента — санскрите.

Сегодня большинство из устойчивых особенностей цивилизации Индии берут начало в брахманском индуизме. Мощное политическое течение, возникшее на уровне национального правительства несколько лет назад, подчеркивает свой индуистский характер. Но замечать индийскую цивилизацию индуизмом исторически неверно. Индийская цивилизация не просто политеистична. Это полирелигиозная цивилизация, где индуизм — единственная из всех религий, которая смогла справиться с их сложным переплетением. Буддизм, как джайнизм и сикхизм, вырос из индуизма. Еврейские, христианские и парские¹³ меньшинства присутствуют в Индии более тысячи

¹¹ Дхарма — индийский философский и религиозный термин, обозначающий священный закон. — Примеч. пер.

¹² Кама — санскритский термин, обозначающий чувственное удовлетворение, сексуальные наслаждения, вождение, страсть. — Примеч. пер.

¹³ Парсы — последователи зороастризма в Пакистане и Индии. В результате изгнания арабами из Персии в VIII в. зороастрийцы осели в основном в Индии. — Примеч. ред.

лет. Мусульманское правление в Индии начинается с Махмуда Ганзеви¹⁴ в первые десятилетия XI в., укрепляется в конце XII в. учреждением султаната в Дели, а в XVI в. при Великих Моголах становится всеобъемлющим. Было подсчитано, что четвертая часть субконтинентального населения приняла ислам, это в основном представители низших каст. В то же время мусульманская элита имела внешнее происхождение, как правило, из Афганистана, Персии и Средней Азии [Sing 2002: 66ff]. Кастовая система проникла в индийский ислам, а индуизм заинтересовался суфизмом, в то время как обращенные мусульмане стремились сохранить свои доисламские кулинарные привычки и праздничные традиции. Но особое значение в данном контексте имеет не реальность исторического мультикультурализма, а неизменно важная роль экуменической религиозности. Так было и 2300 лет назад в период правления буддийского императора Ашоки, образ которого символически запечатлен на индийском флаге, и 400 лет назад в эпоху «добропорядочного мусульманина», основателя империи Великих Моголов Акбара, и в XX в. в моральных и интеллектуальных моделях Тагора и Ганди. Это традиция, к которой династия независимой Индии Неру¹⁵ — Ганди всегда относилась с неизменным уважением (ср.: [Sen 2005: ch. 13]).

Санскрит — это классический культурный и религиозный язык индийской цивилизации, также как греческий и латынь в Европе, и почти также как и латынь это уже не живой язык (с несколькими местными исключениями) [Goody 2010: 161n]. Сегодня он преподается в университетах Индии и поддерживается, наряду с другими характерными особенностями индийской цивилизации в ее индуистской трактовке, федеральным правительством БДП¹⁶ начала нового тысячелетия. В то время

¹⁴ Махмуд Ганзеви (971–1030) — эмир среднеазиатского государства Газневидов (территория современного Афганистана), достигшего наибольшего расцвета в X–XI вв. Совершил 17 походов в северную Индию. — *Примеч. ред.*

¹⁵ Джавахарлал Неру (1889–1964) — лидер левого крыла индийского национально-освободительного движения, председатель Индийского национального конгресса и первый премьер-министр независимой Индии. — *Примеч. пер.*

¹⁶ «Бхаратия джаната парти» (БДП) — Индийская народная партия. — *Примеч. пер.*

как этот язык сохраняется главным образом в качестве священного языка касты брахманов, «санскритизация» стала концепцией современной индийской социологии, обозначая своего рода коллективную кастовую восходящую мобильность путем подражания манерам и обрядам высших каст [Srinivas 2002: chs. 12, 13].

Классическое литературное наследие индийской цивилизации сформировалось 2500–3000 лет назад; конкретная дата никому не известна и до сих пор является предметом горячих споров как среди историков, так и идеологов. В отличие от синской и европейской цивилизаций, индийская оставила мало историографических текстов. Ее классическое наследие — это огромный корпус, включающий гимны и литургические тексты Вед, философские трактаты Упанишад, Кодекс Ману с его детально разработанными семейными нормами, экономическими и эротическими наставлениями, популярные эпосы Рамаяна и Махабхарата (последняя считается «индийской версией одновременно Илиады, Одиссеи и Библии»), будучи в 15 раз длиннее Библии [Dalrymple 2009: 90]), мифологические и генеалогические писания Пуран. Преподавание классической литературы в современной школе носит случайный характер, однако эпосы по-прежнему обладают широким культурным значением: в начале 1990-х годов их показ по телевидению собрал практически полную аудиторию.

Индийская классическая архитектура, преимущественно храмовая, расцвела в период династии Гупта в IV–VI вв. н.э. и достигла своего пика в XI–XII вв. [Harle 1986–1994: Part II; Speir 1973: 458f; Keay 2000: 212ff]. Тадж-Махал и другие впечатляющие погребальные сооружения были созданы во время правления Моголов полтысячелетия спустя, способствуя впечатляющему расцвету персидских и центрально-азиатских моделей.

Цивилизация Западной Азии

Мусульманская цивилизация Западной Азии обладает более четкими границами, чем *Дар аль-ислам* (Дом ислама) в целом со своими многочисленными сторонниками из других цивилизаций, соотношение во многом сходное с отношением европейской цивилизации и христианского мира. Цивилизация Западной Азии соответствует синской и индской; при этом, по-

видимому, она не является простым производным «арабского элемента». Ее центр и исток — Аравийский полуостров со священными городами ислама — Меккой и Мединой. Но впоследствии она оформилась в гораздо более обширную культурную область с узловыми точками в Дамаске и — позже — в Стамбуле на Севере и крупнейшими культурными центрами на Западе: в Кордове, на территории современной Испании, в марокканском Фесе и Тунисе (сегодня уже не существующие или давно пришедшие в упадок), а также в Каире. На востоке она процветала в Багдаде, в персидских Исфахане и Ширазе, Бухаре и позже в Самарканде (современный Узбекистан). Сегодня эти места — скорее, печальные тени прошлого, ожидающие туристов.

Пустыни и оазисы, городские торговцы и бедуины-кочевники, соединяющие их караваны составили экологическую основу этой цивилизации, подобно обширным заливным полям риса в синской цивилизации. Согласно источникам, в течение долгого времени история Центральной и Западной Азии характеризовалась противоречием между кочевым образом жизни в пустыне и оседлой городской культурой. И неудивительно, что именно оно находится в центре внимания величайшего социального исследователя региона Ибн Хальдуна, утверждавшего, что «пустыня — это основание и источник цивилизации и городов» [Ibn Khaldun 1377/1967: 93]. Пустыни, узкие речные пути через некоторые из них (Нил, Евфрат и Тигр, Амударья и Сырдарья), засушливые горные пространства, оазисы, города с их своеобразными культурными формами — все это, создавая основу цивилизации, присутствует и по сей день от Марокко (*Makhzen* — Запад для его уроженцев) через Среднюю Азию и Аравийский полуостров (в самом центре) до Ирана. Ключевым моментом социологии этой цивилизации являлось сочетание гедонистического городского коммерческого общества и сурового кочевого образа жизни, караванных торговцев и конных воинов. Они все еще определяют жизнь значительной части этого культурного ареала.

Несмотря на пространственное несовпадение с Домом ислама, эта цивилизация стала религиозной. Исторически она занимала область двух величественных речных цивилизаций: одна из них, уже не существующая, располагалась вдоль рек Евфрат и Тигр, протекающих по территории современного Ирака; другая, соединенная длинной линией преемственности с династиями

фараонов, протянулась вдоль берегов Нила. Эта область также включала великого врага классической Греции — Персию. Но ислам порвал с ними, чего христианство никогда не сделало в отношении Древней Греции и Древнего Рима. Предисламские цивилизации не образуют «классику» Западной Азии, становясь источником музейных экспонатов, чья возрастающая ценность обусловлена их способностью привлечь деньги туристов.

Это связано не с более герметичным, чем в случае христианства, теологическим закрытием, а с исторической случайностью. В Западной Азии не было своей Римской империи, способной служить мостом между язычеством и единобожием. Аравийский полуостров времен пророка Мохаммеда был племенным обществом. Но существовала Персия, чьи великие политические традиции проникли в великолепные политические образования ислама — Дамаск и Багдад. Еще более важным является тот факт, что после покорения Персии арабскими воинами, возникла новая особая персидская культура, и персидский язык стал главным литературным языком исламского мира вне Аравии, а также судебным языком от Индии эпохи Моголов до Османской Турции ([Lewis 1964/1994: 13]; см. также замечательный обзор, посвященный трем поздним великим мусульманским империям, сделанный Стивеном Дэйлом: [Dale 2010]). Эта высокая культура Персии включала великую средневековую поэзию Хафиза¹⁷, Руми¹⁸, Саида¹⁹ и других, в которой щедро течет вино, а объекты эротического желания возбуждающе неопределенны: женщина? мужчина? Бог? Эти поэты, почти современники Чосера (1340/1345–1400), доступны для многих современных читателей и высоко ими оцениваются. Они глубоко почитаются в современном Иране, по крайней мере, так было во время моего пребывания там в начале 1990-х годов.

Этой цивилизации, гордо считающей себя исламской, конечно же приличествует территория, включающая в себя большинство священных мест шиитского ислама — Кербелу и Наджаф в Ираке, Кум в Иране, а также самые священные для всех мусуль-

¹⁷ Хафиз Ширази (1325–1389/1390) — персидский поэт и мастер суфизма. — *Примеч. ред.*

¹⁸ Джалаладдин Руми (1207–1273) — персидский поэт-суфий. — *Примеч. ред.*

¹⁹ Абу Саид Фазл Аллах (967–1049) — один из первых персидских суфийских поэтов, автор четверостиший (рубаи). — *Примеч. ред.*

ман города — Мекку и Медину в Саудовской Аравии. Основы ее мировоззрения и базовые ценности берут начало в исламской религии спасения. Коран — это священный, основополагающий классический текст, знание которого является обязательным требованием мусульманского образования. Ученики и сегодня гордятся знанием наизусть его полного текста.

Но Коран также является основой классического канона искусства этой цивилизации. Каллиграфия — это исламское, так же как и синское, искусство; однако в первом случае оно было представлено, главным образом, в цитатах из Корана, украшавших мечети и другие общественные здания, или в рукописных Коранах. Это искусство, в распространение которого вплоть до XIX–XX вв. не участвовал печатный пресс. Декламации Корана и сегодня представляют собой очень популярные культурные мероприятия, сравнимые с европейскими песенными фестивалями.

Арабский язык как язык Корана является классическим. Персидский и тюркский языки смогли выжить в качестве главных межгосударственных языков: персидский — в качестве языка суда и светской литературы, а тюркский — в качестве языка когда-то грозных Османской и Могольской армий. Но оба языка использовали арабский алфавит, а персидский использует его до сих пор. Однако сегодня персидский язык практически полностью забыт интеллектуальной элитой Южной Азии (о чем с печалью поведал мне мой выдающийся американо-иранский коллега Саид Арджомэнд), маргинализированный имперским английским языком второй трети XIX в. (правда, в Афганистане на нем все еще говорят). Старинный тюркский язык стал медленно возрождаться в Центральной Азии после 1991 г., но в Западной Азии турецкий язык, с 1920-х годов использующий латинский алфавит, стал языком только турецкого населения.

Настоящему мусульманину надлежит знать Коран на арабском языке, а не в переводе, что совершенно допустимо для христианина, изучающего Библию. В наши дни существуют разрешенные переводы Корана, но они предназначены, главным образом, для заинтересованных иностранцев. Как и греческий, арабский язык (в отличие от санскрита и латыни) — это живой язык, распространенный от Ирака до Марокко, от Сирии до Судана. Но, так же как и древнегреческий язык Платона, классический арабский язык Корана больше не является разговорным.

Он представляет собой высокий формальный стандарт языка, который следует изучить и использовать в торжественных религиозных и официальных обстоятельствах. Среди образованной части населения классический язык может также использоваться в качестве средства общения между, скажем, иракцами и марокканцами, которые иначе не поняли бы друг друга.

Изучение арабского языка и его грамматики является центральным элементом классического исламского образования. Наряду с Кораном и *хадисом* (хроники Пророка, его деяний и высказываний), существует также религиозная по происхождению и значимости классическая юриспруденция, с VIII–IX вв. разделенная на пять основных школ: четыре суннитские и одну шиитскую. Хотя они и испытывают давление со стороны современного государственного законодательства (которое наиболее сильно ощущается в таких секуляризуемых государствах, как Тунис), эти более чем тысячелетние юридические школы все еще влиятельны при решении вопросов, касающихся семьи и брака (о чем я узнал, изучая мировые семейные структуры XX в.).

В исламе нет такой бюрократической иерархии, как в христианстве, но он и не столь аморфен как индуизм. Существует единственный центр паломничества — Мекка. Де-факто есть также универсальный центр исламской (суннитской) учености — университет аль-Азхар в Каире, привлекающий изучающих теологию не только со всей Западной Азии и Северной Африки, но и, например, из Малайзии и Индонезии. Его шейх, или глава, обладает значительной властью. В исламских странах также существуют *муфтии* — главные религиозные судьи, хотя в настоящее время они не пользуются ни большим влиянием, ни уважением, поскольку часто воспринимаются как не более чем выразители интересов правительств Египта и Саудовской Аравии. Иранский шиизм организован более строго (даже несмотря на теократическую организацию Исламской Республики Иран) с иерархией мандаринов, возглавляемой Великими Аятоллами, и собственным международным научным центром в Куме.

Исламская архитектура Западной Азии обрела свою классическую форму в IX в. н.э. в Ираке в период халифата Аббасидов. Однако позже, в XV–XVI вв., она отклоняется в сторону альтернативных моделей в сооружениях османов в Турции и сефевидов в Иране, откуда правители династии Тимуридов в

Бухаре и Самарканде и ранние Моголы отбирали своих лучших архитекторов и строителей. Мечети — эстетически доминирующие и наиболее претенциозные здания, часто включающие школьные комплексы — *медресе*. Как правило, они более богато украшены орнаментом и более искусно построены, чем цитадели политической власти. Моголы пошли в другом направлении, превращая императорские гробницы в наиболее впечатляющие монументы. Это не совсем исламский обычай, где не было принято чтить великих правителей. Гробница Хумаюна²⁰, расположенная в Дели, хранит память о слабом поверженном императоре, а Тадж-Махал был построен в память о любимой жене [Hattstein, Delius 2005; Dale 2010: 147ff]²¹. Интересно, что классический арабский стиль является главным, если не единственным, образцом монументальной архитектуры в новой малайзийской столице XXI в. — Путраджаи.

Европейская цивилизация

Европа — это мыс Азии, расположенный за пределами широкой дуги речных цивилизаций, простиравшейся от Нила до Желтой реки. Европейская цивилизация зародилась как минимум 3000–4000 лет назад. Она окружена морями, где — сначала в Эгейском море, а позже и в Средиземноморье, — появились «талассократические», правящие морем державы, имевшие важное и продолжительное значение, взаимосвязанные между собой, объединенные Афинами и Римом (хотя римское господство над всей территорией Средиземноморья было основано прежде всего на силе сухопутной армии). Главные судоходные реки — Рейн, Дунай, Эльба, Волга и многие другие — связывали море с внутренними районами. Военно-морская мощь, усиленная впоследствии корабельной артиллерией, стала основой европейской экспансии: португальцы Генриха Мореплавателя²²,

²⁰ Насир-уд-дин Мухаммад Хумаюн (1508–1556) — второй падишах империи Великих Моголов. — *Примеч. ред.*

²¹ Тадж-Махал — мавзолей-мечеть, построенный (1632–1653) по приказу правителя империи Великих Моголов Шах-Джахана в память о любимой жене Мунтаз-Махал, умершей при родах. — *Примеч. ред.*

²² Генрих (Энрике) Мореплаватель (1394–1460) — сын португальского короля Жуана I, организатор португальских морских экспедиций вдоль западноафриканского побережья. — *Примеч. ред.*

испанцы, возглавляемые генуэзцем Христофором Колумбом, Ян Питерсоон Кун²³ и Голландская Ост-Индийская компания, Джеймс Кук и экспедиции британского Королевского флота. Европейские морские завоеватели и исследователи сменили конных воинов-кочевников Евразии: арабов, монголов и турок.

Самой характерной и определяющей особенностью европейской цивилизации является ее двойной фундамент: античный языческий политеизм и христианская монотеистическая религия, являвшаяся универсалистской трансформацией западноазиатского иудаизма. В то время как западноазиатский ислам фактически отверг своих культурных предшественников, как принадлежащих к эре невежества, христианство выстраивалось на своем языческом основании первоначально, возможно, вследствие необходимости: из-за неспособности собрать свою собственную армию.

Таким образом, формация европейской цивилизации дуальна. С одной стороны, вы должны знать значение Креста, историю Иисуса и Марии, понимать роль Рождества и Пасхи в христианском календаре. Вам следует знать, что такое Библия, и быть хотя бы частично знакомым с ее содержанием. Предполагается, что вы способны отличить православие от католицизма и протестантизма, а внутри последнего можете различить такие направления, как англиканство, кальвинизм и лютеранство.

С другой стороны, вам также полагается знать, кем был Зевс (или Юпитер), но только как образованному человеку, и ни в коем случае как верующему. Принадлежность к европейской культуре также предполагает некоторое знание об Одиссее и Илиаде, о Сократе, Платоне и Аристотеле, о Юлии Цезаре, Августе и Адриане. Если вы претендуете на высшее образование, то ожидается, что вы читали хотя бы что-то из Гомера, Платона, Вергилия, Горация и Овидия (по крайней мере, в переводе) и обладаете какими-то знаниями о греческой трагедии и римском праве.

Классическая европейская архитектура представлена прежде всего древними греко-римскими храмами с их колоннадами и прямыми треугольными фронтонами крыш, иногда с римским

²³ Ян Питерсоон Кун (1587–1627) — четвертый и шестой губернатор голландской Ост-Индии, значительно расширивший голландские колониальные владения в Индонезийском архипелаге. — *Примеч. ред.*

куполом, возрожденным в новое время в республиканском неоклассицизме в США и императорском в России. Историческая европейская традиция также включает христианский готический собор (хотя его никогда не относили к неоклассицизму), устремленное в небо объединение верующих (в отличие от мест захоронения фараонов или таких мест жертвоприношений, как пирамиды майя или ацтеков). Знаковым строением Европы часто присущ неоготический стиль, например, зданиям Британского парламента и венской Ратуши. Неоготика стала любимым архитектурным стилем американских колледжей XIX в.

Христианская Европа никогда не отказывалась от дохристианской эры как периода темноты и невежества, и на это были серьезные основания. После периода преследования христианство стало официальной религией Римской империи, провозглашенной с императорского трона. В отличие от ислама христианству не пришлось одерживать военную победу над действующими властями извне. Заключительная победа христианства была результатом войны между двумя претендентами на титул римского императора. Церковь рассматривала себя, как и являлась де-факто, главным культурным звеном между античным периодом и феодальным Средневековьем (см.: [Anderson 1974]). Католическая церковь признала Аристотеля главным авторитетом светского знания; европейская же система юриспруденции включала как каноническое, так и светское право, оба основанные на римском праве (см.: [Berman 1980]). Действительно, она могла законно рассматривать себя в качестве наследника Римской империи с того момента, как в 330 г. Константин признал христианство имперской религией. Никакого нового священного языка утверждено не было: латынь являлась языком римской церкви, а греческий — византийской. Только после падения Византии церковно-славянский стал языком православия.

Древняя Греция и Древний Рим были приняты в качестве родителей христианской Европы и навсегда определили стандарты европейского классицизма. В современном Оксбридже²⁴ под чтением «классики» подразумевается чтение на латыни и греческом, включая историю и литературу греко-латинской ан-

тичности. Классицизм в европейской архитектуре предполагает следование архитектуре Греции или Рима (или хотя бы использование ее в качестве источника вдохновения). Классическая литература в Европе включает традицию от Гомера до Овидия.

В отличие от иудаизма, конфуцианства и индуизма, но как ислам и буддизм, христианство — это религия спасения и универсального призвания. Встроенная в европейскую, а позднее и североамериканскую имперскую власть, она использовалась как мощное орудие завоеваний и как действенное средство экспансии. Впоследствии этот принцип универсалистского призвания под понятиями «устойчивая свобода» и «права человека» подерживал евро-американские секулярные крестовые походы.

То, что христианские крестовые походы и исламский джихад должны столкнуться в современном мире, едва ли было предопределено. Но как только религиозные джиинны выпущены из бутылки модерна, можно ожидать, что они столкнутся, и отголоски их конфликта, усиленные геополитическими делениями, будут слышны по всей американской империи и зависимым от нее территориям.

Взаимоотношения светского классицизма — античные боги вскоре стали преимущественно литературными героями — и религиозной традиции христианства временами носили конфликтный характер, но в целом обеспечили наличие плодотворной, открытой напряженности в европейской культуре. Эти взаимоотношения почти мирные в случае Ренессанса и гуманизма Эразма Роттердамского, но более сложные в эпоху Просвещения — эпоху Вольтера, Гиббона и Винкельмана. Однако еще более важным является тот факт, что двойственная традиция христианской религии и римского права способствовала возникновению юридической доктрины разделения духовной и мирской власти, выраженном в высших и независимых фигурах Папы Римского и императора [Berman 1980].

Занимая осторожную позицию в отношении бурной дискуссии о «системе ценностей европейской цивилизации», все-таки необходимо подчеркнуть ряд моментов. Европа обладает особой политической культурой, включающей принципы выборности на государственные посты и народного представительства как собственного основания для налогообложения и гражданства. Наряду с указанными существовали и другие принципы, которые в определенные исторические периоды преобладали по важности над первыми, но никогда их полностью не отме-

²⁴ Оксбридж (англ. Oxbridge) — слово, составленное из названий двух самых престижных университетов Великобритании — Оксфорда и Кэмбриджа. — *Примеч. ред.*

няли. Еще в средневековой Европе претенденты на два самых высоких государственных поста — Папы Римского и императора — избирались в ходе формальных и регулярных выборов. В конце концов, «демократия» — это античное европейское слово. Во время тяжелого финансового кризиса французская абсолютистская монархия вынуждена была созвать в 1789 г. сословно-представительское собрание — Генеральные Штаты. Тем не менее для большинства людей наиболее важным стало понятие гражданина как человека, обладающего правами. Этот принцип восходит к положению свободного мужчины в греческом полисе. Впоследствии он был кодифицирован в римском праве и распространен на всю империю. Такая юридическая концепция индивидуальных прав не была развита в других цивилизациях.

Европейская цивилизация захватила также и Америку. США сохранили как дохристианскую классическую архитектуру (истолкованную Джефферсоном и другими как республиканскую, а не имперскую), так и христианскую веру, прежде всего в форме протестантизма. Латинская Америка также сохранила свою веру — католическую в данном случае — и барочный архитектурный стиль.

Черная Африка (Африка к югу от Сахары)

Кажется, мы все родом из Африки. Господствующее в палеоантропологии мнение утверждает существование общего африканского предка всех человеческих видов, от которого мы все произошли и распространились по земле. (Внушающий доверие краткий обзор для неспециалистов см.: [Chanda 2007: ch. 1].) Но происхождение не обязательно означает непрерывность или даже значимую связь. Выступая против всевозможных сторонников превосходства белой расы или «западной цивилизации», многие из нас сегодня будут, без сомнения, рады с гордостью заявить, что мы все — африканцы. Но это позиция уважения к человеку. Мы же здесь должны иметь дело, прежде всего, с дифференциацией человечества.

Цивилизация Черной Африки отличается от всех других по самой своей природе, а не только своими характерными особенностями. Это — устная цивилизация без канонических текстов, семейство культур без исторического ядра, без единой религии или классического языка. Как же тогда она может быть одной из крупнейших цивилизаций и вообще цивилизацией? Здесь

непрофессиональному историку нужно быть очень осторожным — то, что Мудимбэ [Mudimbe 1988] назвал «изобретением Африки», было извилистым, сложным и конфликтным проектом, проектом колониальным и националистическим. Но даже если мы захотим сократить число цивилизаций, имеющих актуальное значение, можно найти достаточно аргументов в пользу рассмотрения цивилизации Черной Африки в качестве таковой. В Африканский Союз²⁵ входят также государства Северной Африки, но это вопрос современной геополитики. Тем не менее крайне уважаемый, но малоизвестный сенегальский ученый Шейх Анта Диоп утверждал, что «египетская древность относится к африканской культуре также, как греко-римская античность к европейской» (подробнее см.: [Diop 1967/1993]). Не занимая определенной позиции в споре о том, была ли древняя египетская цивилизация «черной» (*nègre*) или нет, для целей данной книги представляется достаточным отсутствие непрерывных связей между архитектурой, мировоззрением и письменностью Египта фараонов, с одной стороны, и территорией к югу от Нила и великой пустыни, с другой (хотя и были найдены объекты торговли между ними) [Braudel 1987: 194]. В той степени, в какой существует общая африканская цивилизация, эта цивилизация располагается к югу от Сахары.

Экологические факторы цивилизации всегда были сложными. Они четко определены двумя великими пустынями — Сахарой на севере и Калахари на юге и двумя океанами — Атлантическим на западе и Индийском на востоке. В древности ни одна из границ не была непроходимой, однако вместе они оставили Африку в стороне от основных евразийских торговых путей. Сложная география самого континента имела еще большее значение. Его пространственный центр с густыми тропическими лесами, населенными насекомыми и паразитами, без единого луча естественного света никогда не мог стать социальным центром. Ни по одной из великих рек, прерываемых порогами и водопадами (наиболее печально известными из которых являются находящиеся на реке Конго), нельзя было доплыть от моря в глубь материка. Великие культурные и политические места

²⁵ Африканский Союз — международная межправительственная организация, включающая 54 государства. Основан в 2002 г. в качестве правопреемника Организации африканского единства. — *Примеч. ред.*

Африки — от Тимбукту²⁶ и Джене²⁷ до Большого Зимбабве²⁸ — располагались на границах саванны или ближе к западному побережью, как Ифе²⁹ или Бенин.

Однако, несмотря на разнообразие, этой цивилизации присуща прежде всего лингвистическая общность, простирающаяся от Гамбии и Сенегала на северо-западном побережье до мыса Доброй Надежды на юго-восточном — это общность нигеро-конголезская языковой семьи. При этом считается, что ядро этой семьи — языковая группа банту — распространилась с территории, прилегающей к нынешней границе между Нигерией и Камеруном. В это лингвистическое единство не входит обширная группа языков «подковообразного» региона к северу, западу и востоку от Сахары, населенного носителями афразийских языков — арабского, берберского, амхарского³⁰ и сомалийского и в далеком прошлом египетского языка эпохи фараонов. Кроме того, в нигеро-конголезскую семью не входит ряд нило-сахарских языковых сообществ, проживающих к югу от пустыни: язык хауса³¹ в северной части Нигерии, масайский³² язык и язык луо³³ в северной Кении, а также немногочисленные сохранившиеся койсанские языки³⁴ в юго-западной Африке.

²⁶ Тимбукту — город на севере центральной части Мали, в 13 км к северу от реки Нигер; столица самопровозглашенного государства Азавад. — *Примеч. пер.*

²⁷ Дженне — один из древнейших городов в Африке южнее Сахары. Расположен в пойме реки Нигер, в Мали. — *Примеч. пер.*

²⁸ Большое (Великое) Зимбабве — название, данное каменным руинам древнего южноафриканского города, расположенного в провинции Масвинго государства Зимбабве. — *Примеч. пер.*

²⁹ Ифе — город на юго-западе Нигерии, один из важнейших очагов древней цивилизации в Западной Африке. — *Примеч. пер.*

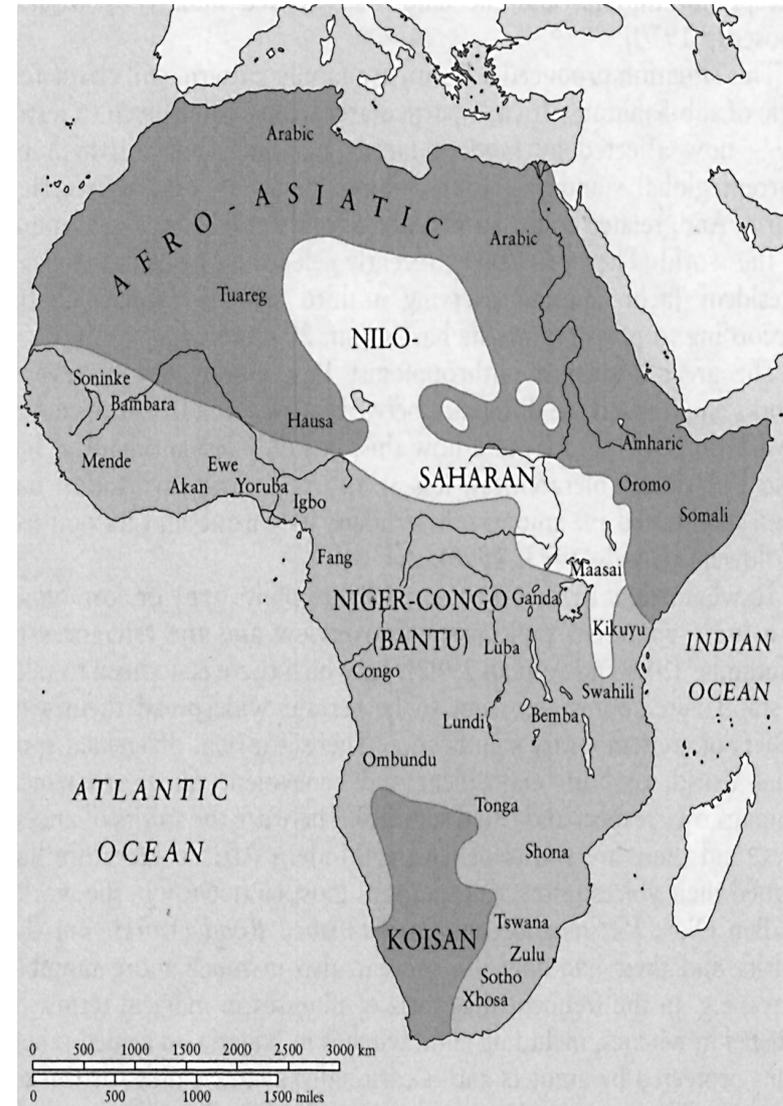
³⁰ Государственный язык Эфиопии. — *Примеч. пер.*

³¹ Хауса — крупнейший по числу носителей язык чадской ветви, распространенный в Западной Африке. — *Примеч. пер.*

³² Масайский язык относится к восточным нилотским языкам, распространен в южной Кении и северной Танзании. — *Примеч. пер.*

³³ Языки луо относятся к западным нилотским языкам, наиболее распространены на территории, простирающейся от южного Судана до южной Кении. — *Примеч. пер.*

³⁴ Койсанские языки — условное название автохтонных не-банту языков юга Африки и двух изолированных языков Танзании (сандаве и хадза). — *Примеч. пер.*

КАРТА 2. Языковые семьи Африки

Несмотря на все экологическое разнообразие территорий за пределами пустынь севера и юго-запада — тропические леса, покрытые травяной растительностью саванны, плодородные холмы Великих африканских озер и реки с ограниченной судоходностью, — большая часть Африки к югу Сахары обладала общей очень важной чертой: изобилие земли и крайний недостаток рабочей силы. Более того, сельское хозяйство было мотыжным, а не плужным (за исключением Эфиопии), и землю обрабатывали преимущественно женщины [Boserup 1970].

Такие условия повлияли на создание особого типа семьи, и сегодня характерного для Черной Африки, в котором особое значение придается способности к деторождению. Хотя сегодня на эту традицию оказывают влияние современные формы планирования семьи, уровень рождаемости по мировым стандартам все еще очень высок: четыре ребенка, что является официальной нормой в Нигерии. Связанная с этим практика массовой полигамии уникальное явление в современном мире [Therborn 2004], недавно прославленное президентом Южной Африки Джейкобом Зума, взявшему третью жену в январе 2010 г. Согласно сообщениям в печати, он является отцом уже 20 детей.

Великий антрополог-африканист Джек Гуди в ряде своих работ подчеркивал различие между Африкой и евразийскими «цивилизациями бронзового века», и то, каким образом эта африканская цивилизация — будучи не только менее технологической, но также и менее жестко иерархической и стратифицированной, — проявила себя в разных аспектах, включая ее кухню и отказ от использования цветов [Goody 1993, 1998].

В какой степени можно говорить о существовании общей философии или космологии банту — вопрос, вызывающий жаркие споры (см. краткий обзор и ссылки: [Mudimbe 1988] и [Arriah 1992]), но здесь нет необходимости занимать в нем определенную позицию. Представляется, однако, что имеется ряд широко распространенных верований, обладающих актуальным значением. Существует богатый и разнообразный духовный мир, населенный как злыми, так и добрыми духами, и люди должны проявлять к ним уважение и приносить ритуальные жертвы. Есть духи предков, и есть духи природы. Современная африканская литература превратила их голоса в письмо, наверное, наиболее выразительно в работах Бена Окри, например, в его романе «Голодная дорога» (1991 г.). Но духи и способы «обхождения»

с ними присутствуют и в гораздо более осязаемых формах, например, в частой диагностике болезни в магических терминах, в вере в ведьм, включая девочек-ведьм в Нигерии, в вооруженных восстаниях, оберегаемых амулетами, а иногда, как в Уганде, в формах сопротивления, движимых спиритуалистическими истолкованиями христианства, как в случае ясновидящей Элис Аума «Лаквены»³⁵ (Посланницы) и ее преемника Джозефа Кони³⁶, возглавляющего Господню армию сопротивления.

«Африка», как и «Азия», — европейское изобретение, но это не умаляет эвристической ценности анализа цивилизации Черной Африки. Христианство и ислам стали доминирующими религиями современной Африки, но им пришлось приспособиться к сохраняющим устойчивость африканским семейным и гендерным структурам. Например, христианству пришлось адаптироваться к полигамии, а исламу — к роли женщин в общественной экономической сфере.

С художественной точки зрения широко распространенное ритуальное использование масок и танца — еще одна особенность континента, достойная упоминания. Нигде больше вы не увидите вождей, политических деятелей и представителей духовенства, публично исполняющих сольные или коллективные танцы.

Наконец, в завершении этого обзора цивилизаций следует напомнить, что он не задумывался как Зал Славы Великих. Это — просто список самых крупных цивилизаций, показывающий, как они вырисовываются в XXI в. По сравнению с ними, например, майя и другие америндские цивилизации, а также цивилизации Юго-Восточной Азии являются менее крупными, но не обязательно менее важными.

Все цивилизации были глубоко обеспокоены семейными и половыми отношениями, и современные формы этих отношений носят их устойчивые отпечатки. Но в ходе обширного исследования семьи я обнаружил, что наряду с ее пятью цивилизационными моделями существуют и две основные современные

³⁵ Эллис Аума Лаквена (1956–2007) — угандийская ясновидящая и целительница, религиозно-политический лидер, основательница Движения Святого Духа. В 1986–1987 гг. возглавляла антиправительственное восстание милленаристского толка в Уганде. — *Примеч. пер.*

³⁶ Джозеф Кони (р. 1961) — глава Господней армии сопротивления, ставящей перед собой цель создания в Уганде теократического государства, основанного на Библии и Десяти заповедях. — *Примеч. пер.*

семейные системы гибридного характера, сформировавшиеся в рамках более поздних волн глобализации и путей к модерну: юго-восточная азиатская и американо-креольская системы.

СИСТЕМЫ «СЕМЬЯ — ПОЛ — ГЕНДЕР»

Все мы — не только наследники, но, как правило, также и участники того, что можно назвать системой «семья — пол — гендер» (family-sex-gender system), определяющей наше происхождение, родство и связи, сексуальные практики и социальные гендерные отношения. Основные мировые системы «семья — пол — гендер» берут начало в пяти главных цивилизациях и даже могут рассматриваться как их центральный элемент, зачастую самый продолжительный и устойчивый на протяжении многих столетий и даже тысячелетий. Поэтому мы исследуем эти системы под общим заголовком «наследие цивилизаций». Но современный мир также включает еще две главных системы, являющиеся цивилизационными гибридами, рожденными в результате волн глобализации: юго-восточную азиатскую и американо-креольскую системы, заслуживающие отдельного внимания. Основное открытие моего исследования семейных структур заключалось в том, что все семь систем все еще активно существуют в современном мире, видоизмененные, но не сводимые друг к другу ([Therborn 2004]; нижеследующие разделы основаны на этой книге).

Конфуцианская восточноазиатская модель семьи

Эта модель охватывает обширную область, исторически отмеченную синской цивилизацией (Китай, Япония, Корея и Вьетнам), и, конечно, включает региональные и национальные варианты. Классический конфуцианский патриархат был видоизменен в Японии и смягчен во Вьетнаме, а в Корее к 1900 г. принял свою наиболее ортодоксальную форму.

Из пяти основных типов отношения в человеческой жизни, определяемых конфуцианством³⁷, отношение между отцом и сыном является самым важным, а сыновняя почтительность —

³⁷ Отношения между отцом и сыном, отношения между братьями, отношения между супругами, отношения между младшими и старшими, отношения между правителем и подданными. — *Примеч. ред.*

главной добродетелью, которой подчинены все остальные семейные и социальные нормы. Брак — это контракт, заключаемый между семьями, который может быть расторгнут по взаимному согласию или по желанию мужа. Как и повсюду за пределами Западной Европы исторически брак был фактически универсален; в общем и целом он таковым остается и сегодня, за исключением ряда столичных городов, таких как, например, Токио и Сингапур. Двоеженство было вне закона, но «наложницы» обладали формальным семейным статусом жен «второго ранга», и их дети признавались законными. Сексуальные отношения всегда считались морально легитимным мужским удовольствием. Идеалом в Китае считалась патрилинейная расширенная семья, в которой вместе живут несколько поколений, в то время как родовая семья с ожидаемым отделением младших женатых сыновей была идеалом в Японии. К патрилинейным предкам должно проявлять почитание, поддерживать домашний алтарь и совершать определенные ритуалы в родовых залах — традиция, которая сегодня возвращается в некоторых районах Китая. Могилы предков — очень важные семейные места, и День уборки могил³⁸ до сих пор является главным днем китайского календаря.

Уважение к родителям и повинование им — ключевые нормы конфуцианской семьи. Грандиозные политические и экономические трансформации, которые претерпел этот регион, видоизменили присущие конфуцианству отношения между поколениями, но не смогли полностью их искоренить. Современный китайский закон о наличии одного ребенка в семье привел к значительному укреплению положения детей. Старшинство и пол оказывают сильное влияние на общественные отношения как в рамках семьи, так и за ее пределами, но обычая женского затворничества не существует.

Конфуцианство легко приспосабливается к патерналистскому фаимализму в политике и управлении, в том числе корпоративному. Оно просочилось даже в коммунистический язык: во Вьетнаме Хо Ши Мина³⁹ называли «Дядюшка Хо» (в более

³⁸ Судя по всему, речь у Терборна идет о празднике Цинмин («празднике чистого света»), традиционном китайском празднике поминовения усопших. — *Примеч. ред.*

³⁹ Хо Ши Мин (1890–1969) — вьетнамский политический деятель и последователь марксизма-ленинизма, основатель Коммунистической партии Вьетнама, руководитель августовской революции, первый президент

формальных случаях — «Великий Дед»), а главные союзники упоминались как «Старший брат Советский Союз» и «Старшая сестра Китай» [Marr 1981: 132n; Bayly 2007: 187].

Южноазиатская индуистская модель семьи

Я называю эту модель южноазиатской, потому что во многих отношениях она также оказывает влияние на неиндуистские семьи субконтинента, включая мусульманские, хотя отличительные нормы субконтинента являются индуистскими. Брак считается священным обязательством, которое должен выполнять каждый. Надлежащий брак заключается в дарении девственности одной патрилинейной семьей другой. Исторически это подразумевало, что девочки выходили замуж еще до половой зрелости: на рубеже XIX–XX вв. средний брачный возраст для них составлял 10–11 лет. Индуистская вдова не может законно вступить в повторный брак, даже если она остается девственной, хотя светский закон независимой Индии это разрешает. В XX в., благодаря колониальному законодательству, брачный возраст значительно увеличился, однако в сельских районах Южной Азии половина всех девочек выходит замуж моложе 18 лет. В северной Индии брак заключался и заключается до сих пор между представителями разных деревень, что для молодой девушки означает разлуку с родителями и друзьями. Это широко распространенная тема печальных песен.

Брак в принципе не может быть расторгнут, и, за исключением определенных групп брахманов, является моногамным. Брачные соглашения подчиняются правилам кастовой эндогамии и экзогамии происхождения. Унаследованная каста формирует социальное взаимодействие, в том числе у мусульман и христиан, и сегодня сохраняет важное, если не ключевое, значение. Ожидается, что невеста принесет приданое, размер и фактическое содержание которого являются предметом частых семейных споров. В консервативном индуизме высших каст существует обычай *purdah*, или обычай женского затворничества.

Исторический идеал семьи, актуальный и сегодня, — это расширенная патрилинейная семья, включающая женатых сы-

новой и владеющая совместной собственностью. Это большой семейный мир, в котором растут дети. Девочками часто пренебрегают, поскольку они должны скоро покинуть семью. Исторически связь между матерью и сыном была очень важна, и сегодня матери — главные свахи своих детей.

С точки зрения гендерных отношений Южная Азия пропитана женоненавистничеством и плохим обращением с женщинами. К этому мы вернемся позже, анализируя жизненные пути человека. Но, как и в случае влиятельных королей старой Европы — Елизаветы I, Марии Терезы, Екатерины II, — династия может превзойти пол. За прошедшие три-четыре десятилетия в Южной Азии было больше политических лидеров женского пола, чем в других частях мира, например, из династии Бхутто в Пакистане, Неру—Ганди в Индии, Бандаранаике в Шри-Ланке. Также можно вспомнить дочь шейха Муджибура Рахмана и вдову Зиаура Рахмана, возглавлявших две конкурирующие партии в Бангладеш⁴⁰. С сексуальной точки зрения сегодня южно-азиатское общество стало крайне строгим, о чем свидетельствуют асексуальные фильмы Болливуда и типичное для Дели начала 2000-х годов полицейское преследование пар, сидящих близко друг к другу или держащихся за руки в публичных местах (здесь я обязан непосредственным наблюдениям моего коллеги-антрополога доктора наук Первиза Муди).

Исламская западноазиатская / североафриканская модель семьи

Ислам, как и христианство, является мировой религией, распространившейся по всему миру. Но за пределами его исторических ареалов на исламский институт семьи значительно повлияли другие культуры, а также региональные процессы изменений, имевшие место в XX в.

Хотя исламский брак — это контракт, не являющийся священным таинством, все типы вопросов, касающихся семьи, пола и сексуальных отношений, в значительной степени регулируются священным законом. В рамках ислама существует важное (хотя сегодня и несколько потерявшее свое значение)

Северного Вьетнама, создатель Лиги независимости Вьетнама и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. — *Примеч. пер.*

⁴⁰ Речь идет о Шейх Хасине Вазед (премьер-министр Бангладеш в 1996–2001 гг., и с 2009 г. — лидер партии «Лига Авами») и Халеде Зиа (премьер-министр Бангладеш в 1991–1996 гг. и 2001–2006 гг., лидер Националистической партии Бангладеш). — *Примеч. пер.*

мирное разделение на пять крупнейших школ мусульманского права, каждой из которых приблизительно 1200–1300 лет: четыре суннитских и одну шиитскую, преобладающие в различных частях обширного мусульманского мира. Мусульманское право не только выражает общий принцип мужского превосходства (как, например, традиция паулианства в христианстве), но и определяет его через набор конкретных правил: мужское опекунов, неограниченная полигиния, развод по одностороннему заявлению мужа, патрилинейная принадлежность детей. Однако священный закон также касается защиты индивидуальных прав женщин и прав дочерей на наследство, которое составляет половину наследства сыновей. В нем были признаны права собственности женщин, включая права собственности и правовой статус замужних женщин, задолго до их признания в христианской Европе в XIX в. Сексуальность как таковая в мусульманском мире не рассматривается как нравственно недостойное потворство своим желаниям, но она рассматривается как серьезная угроза социальному порядку. Поэтому она должна строго регулироваться матримониальным порядком. Женская добрачная девственность считается показателем чести семьи. Остаться незамужней или иметь детей вне брака не является легитимным выбором в рамках жизненного пути.

Дети растут в больших патриархальных домашних хозяйствах, которые в прежние времена — а в сельской местности и сегодня, — являлись частью больших единиц патрилинейного родства, кланов и племен. Гордость первым родившимся сыном отражена в арабском обычае именованья, согласно которому мать ребенка обозначается как «умм» (umm) (мать... [имя мальчика]), как, например, Умм Кульсум, широко популярная египетская певица середины XX в. «Абу» (отец) используется менее широко, но такой вариант тоже существует. Поколение палестинских лидеров времен Ясира Арафата использовало этот арабский обычай для создания псевдонимов, которые ассоциируются с их общественными ролями: например Абу Мазен, наиболее часто используемое арабское имя действующего президента Палестинского государства.

Семьи сильно сплочены, и широко распространены браки между кузенами. Детские браки (без вступления в супружеские отношения) одобрены религией, но после их краткого возрождения в первые годы иранской революции сегодня стали редки-

ми. Полигамия, которая всегда была доступна только богатым, в настоящее время также нечастое явление и юридически зависима от прямого согласия первой жены. Количество разводов, раньше совершавшихся достаточно часто и с легкостью для мужчины, сократилось. Дети разведенных родителей всегда остаются под опекуном отца, хотя в современных межкультурных браках это становится предметом ожесточенных споров, и опека над детьми до определенного возраста может быть отдана матери.

Христианско-европейская модель семьи

В своей основе эта система является в гораздо большей степени христианской (при определенной поддержке со стороны германской моногамии), чем греко-римской. Она распространилась на европейские колониальные поселения и на новообращенных христиан за пределами Европы, но зачастую в видоизмененных формах. Составное название отражает ее европейско-христианское происхождение. Отличительными особенностями этой системы являются билатеральное происхождение (важность семьи матери сопоставима с важностью семьи отца), принцип свободы выбора партнера по браку, включая легитимность отказа от вступления в брак, моногамия, отсутствие специального морального обязательства перед предками, критическая моральная оценка сексуальности. Уникальной европейской особенностью была концепция брака, имеющая дохристианские корни и кристаллизованная церковью, правда при этом часто нарушаемая на практике. Брак должен быть вопросом выбора мужчины и женщины, желающих быть вместе, и он должен быть моногамным. Брак как вопрос индивидуального выбора — это исключительно европейская концепция, выдвинутая католической церковью и подтвержденная контрреформационным Тридентским собором в 1560 г. Брачный индивидуализм — это католическая, а не протестантская норма.

Христианство отрицательно оценивало сексуальность. В отношении детей ключевое различие делалось между рожденными в браке и незаконнорожденными. Однако гибкость в вопросах брака подразумевала признание «внебрачных детей», когда речь шла об особо высокопоставленных родителях. Принцип учета родства, как со стороны матери, так и со стороны отца,

предполагал определенный гендерный баланс и возможность большей детской автономии. От девочек не ожидалось, что они «исчезнут» в другой семье после брака. Браки между двоюродными братьями и сестрами не были разрешены католикам, что делало родительский контроль более трудным, чем в исламских странах.

Но и в Европе историческая семья была патриархальной, возглавляемой отцами и мужьями, хотя их полномочия были более ограничены, чем в дохристианском Риме. В Скандинавии еще в XIX в. всем людям давалось отчество, т.е. второе имя, показывающее, что вы приходите сыном или дочерью вашего отца. Исландцы и русские все еще используют эту норму при образовании имен.

В Европе существует культурное разделение на Восток и Запад, зародившееся в раннем Средневековье 1000 или более лет назад и проходящее по линии, идущей от Триеста⁴¹ до Санкт-Петербурга. Она восходит к границам ранних средневековых германских поселений. Значительно упрощая и не принимая во внимание важное исключение латинской Европы, можно утверждать, что эта линия разделила западный вариант нормы нового местожительства, в соответствии с которой в результате брака образовывалось новое домохозяйство, и восточную традицию, согласно которой новая пара обосновывалась у родителей мужа. Поэтому западноевропейские дети, как правило, росли в нуклеарных семьях. К востоку от линии раздела люди женились обычно в молодом возрасте и практически все вступали в брак; на западе же средний возраст вступления в брак был на несколько лет больше, а 10% (а зачастую и более) населения никогда не вступало в брак. Это разделение пережило и появление, и крах коммунизма.

В Западной Европе разделение на Юг и Север проходило через центр Франции. К северу от линии раздела дети и молодые люди, включая выходцев из владеющих собственностью фермерских семей, покидали родительский дом рано, с наступлением половой зрелости или по окончании обучения в школе, работая слугами в других домашних хозяйствах до вступления в брак или получения наследства. К югу от линии раздела моло-

дежь, как правило, оставалась со своими родителями до брака. Это разделение, наиболее заметное между Италией и Испанией, с одной стороны, и Центральной и Северной Европой, с другой, все еще сохраняется и сегодня.

Из-за массовой пролетаризации и урбанизации XIX в. стал периодом великого разлада европейской семейной жизни. От трети до половины всех детей — как в главных, так и в менее крупных городах европейского континента, — родились вне брака. Десятки тысяч младенцев были отданы в дома приюта, где уровень смертности обычно значительно превышал 50%. Благодаря успешной индустриализации модель семьи постепенно была восстановлена. Начиная с конца XIX в., возрастает общественное беспокойство о детях, подвергавшихся жестокому обращению, и государственным органам были даны полномочия и вменена обязанность вмешиваться в жизнь неблагополучных семей с целью защиты детей.

Семейные системы Черной Африки

Здесь мы имеем дело, скорее, с группой систем «семья — пол — гендер». Но, несмотря на религиозный плюрализм (включающий христианство и ислам) и огромное этническое разнообразие, этой группе присуще характерное единство. Она имеет особую модель полигамного брака, специфические отношения родства и рождаемости, семейную привязанность к предкам. Происхождение ведется как по женской линии — преимущественно в средней Африке — так и по мужской. Брачные союзы в Африке устраиваются семьей жениха, платившей материальными ценностями или услугами семье невесты; собственность наследуется от одного поколения к другому, как правило, только членами семьи одного пола. Наличие девочек в семье является источником семейного богатства в отличие от традиции Южной Азии.

Африканцы высоко ценят плодovitость как основную цель человеческой жизни, причем в более широком и общем смысле, чем классическое конфуцианство, утверждавшее необходимость продолжения наследственной линии. Хотя в Африке, как и везде, существуют нормы легитимного и нелегитимного сексуального поведения, различие между детьми, рожденными в браке, и внебрачными детьми едва ли было важным. Сексуальная свобода и ограничения сексуального поведения варьируют

⁴¹ Триест — город в Италии, расположенный в 145 км к востоку от Венеции. — *Примеч. пер.*

среди народов континента, но в целом сексуальность жителей Африки всегда была менее ограничена, чем в исторической Евразии. Полигиния, будучи массовой практикой даже в таких преимущественно католических странах, как Руанда и Бурунди, остается характерной особенностью африканской семьи. Она основана на ключевой исторической роли женщины в сельскохозяйственном производстве. Брачные узы, как правило, относительно слабы, муж и его жена (жены) обычно обладают раздельными средствами к существованию, будь то земельные участки или результаты торговли, осуществляемой женщинами. Отношения между матерью и детьми встроены в более широкие отношения родства и отчасти «размыты» в них. Нередко заботу о детях принимают на себя родственники, многие дети растут без одного из родителей. Африканская семейная система предусматривает большое уважение к возрасту, старшим и предкам, включая особую значимость коллективных обрядов посвящения во взрослую жизнь, а также возрастных групп как основы прав и сплоченности.

Несмотря на возможности сексуальных приключений, открытые для девочек-подростков, в том числе с щедрыми «пожилыми поклонниками», и экономическую независимость трудолюбивых замужних женщин, в африканской системе «семья — пол — гендер» бразды правления принадлежат мужчинам, особенно у мусульманского населения саванны к югу от Сахары и в религиозно смешанной, но в основном христианской, Восточной и Южной Африке.

В мире существуют также две промежуточные, или гибридные, семейные системы, имеющие большое значение: юго-восточная азиатская и американо-креольская модели, которые будут описаны ниже.

Юго-восточная азиатская модель семьи (религиозно-плюралистическая)

Эта модель семейных отношений распространена от Шри-Ланки до Филиппин, включая Мьянму, Таиланд, Лаос, Камбоджу, Южный Вьетнам, Малайзию и Индонезию. Буддистское безразличие в отношении семьи и гибкие малайские традиции объединились здесь для смягчения нормативной жесткости семейных правил, распространенных в других регионах Азии. Это нашло

свое выражение в билатеральных родственных связях, широкой свободе в выборе брачного партнера или, например, среди малайцев-мусульман при принятии решения о разводе. Все еще непревзойденный мировой рекорд по количеству разводов был зарегистрирован в 1950-е годы среди малайцев-мусульман, где решение о разводе могли принимать и женщины. Когда в XIX в. британцы прибыли в Бирму, они были поражены неформальностью брака, подобного сегодняшнему сожителству, поскольку буддистские каноны не предполагали никаких брачных обрядов.

Хотя исторически малайские девочки испытывали сильное давление, побуждающее выйти замуж, молодые девочки-подростки в Юго-Восточной Азии находятся в лучшем положении, чем их ровесницы в господствующих патриархальных системах Азии. Эта модель по-прежнему характеризуется наличием патриархального уклада и мужского господства, но она стала значительно менее строгой и косной, чем в Восточной, Южной и Западной Азии. На Филиппинах она более католическая по сравнению с секуляризованной Европой, но предоставляет женщинам большую свободу, чем классическое европейское христианство.

Американо-креольская семья

В Америке на территории, протянувшейся от юга США через острова Карибского моря к Рио-де-Жанейро и включившей в себя районы испанских рудников и гасиенд от Мексики до Парагвая, сформировалась двойственная семейная система, которую можно назвать «креольской». Она берет начало в американской социально-экономической истории христианско-европейского патриархального управления плантациями, шахтами и земельной собственностью с рабским трудом выходцев из Африки или Индии. Рабам не разрешалось жениться, однако при этом поощрялось их размножение. Женщины легко становились жертвой насилия со стороны белого мужского населения. Нехватка испанских женщин и отсутствие табу на межэтнические сексуальные отношения способствовали рождению метисов, составляющих большинство населения Латинской Америки, вырванных из индейских сообществ и никогда полностью не принятых белым населением.

Следующий фактор двойственности креольской модели семьи заключался в сосуществовании, с одной стороны, строго

патриархальных, управляемых белыми, культурной и семейной систем, зачастую включавших строгую изоляцию женщин (жесткий вариант европейской семьи), а с другой стороны — в сосуществовании форм сегрегации, способствовавших распространению среди черного и индейского населения, метисов и мулатов неформальной модели семьи, одновременно характеризующейся сильной материнской властью (в виду слабости или отсутствия отцов) и благоприятствующей появлению феномена «мачо». Особенно в зоне Карибского бассейна неофициальные сексуальные союзы превратились в господствующий образ жизни. На Ямайке младенцы, родившиеся в браке, всегда составляли меньшинство. Дети росли в семьях, состоящих из матерей и бабушек.

Исторический креольский белый патриархат смешался с господствующей белой американской культурой; период Реконструкции после Гражданской войны⁴² и миграции черного населения на индустриальный север США укрепили афроамериканские семейные структуры, бывшие ранее продуктом бедности и расистской эксплуатации. Но из-за процессов геттоизации и относительного обнищания значительной части афроамериканцев в последние десятилетия, «черная» креольская модель семьи возвращается в Северной Америке и продолжает существовать в зоне Карибского бассейна, в Бразилии и в бедных районах Латинской Америки. Эта система «семья — пол — гендер» характеризуется господством и привилегированным положением мужчин (однако это не патриархальная модель, поскольку отцовство маргинализировано в этой системе), высокой сексуальной активностью и крайне сильными связями родства по женской линии: бабушка — дочь — внучка.

ОТЛОЖЕНИЯ ШЕСТИ ВОЛН ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Где бы мы ни жили, кто бы ни управлял нами в прошлом, на то, кто мы есть, на то, во что мы верим и что помним, воздействуют силы, область действия которых больше, чем наша страна —

⁴² В американской историографии термин «реконструкция» обозначает периоды восстановления экономической и политической жизни. Как правило, термин относится к десятилетию после Гражданской войны (1861–1865), периоду выхода США из Великой депрессии (1929–1933), а также годам, последовавшим после Второй мировой войны. — *Примеч. ред.*

исторические волны глобализации. Под «волной глобализации» здесь понимается расширение, ускорение и/или интенсификация важных социальных процессов до, по крайней мере, трансконтинентального (но не обязательно — планетарного) уровня распространения или воздействия. И временные границы этого расширения/ускорения/интенсификации могут быть определены. Эти социальные процессы, практики и представления, как правило, не появляются и не исчезают одновременно с глобализационной волной, которая поднимается, движется вперед и откатывается, но вода всегда остается на своем месте. Я утверждаю, что для понимания современного мира следует принимать во внимание, по крайней мере, шесть подобных волн.

К предлагаемому списку волн глобализации можно добавить и другие (серьезный кандидат здесь — возвышение евразийской монгольской империи в XIII в.), но в истории человечества они оставили меньше устойчивых отложений, чем те, о которых здесь пойдет речь. Главный исторический эффект недолгого, но захватывающего по своей масштабности правления монголов в Евразии, заключался, вероятно, в том, что оно, разрушив бывший в ту пору центром исламской цивилизации Багдад и ускорив перенос технологий из Китая, способствовало росту Европы (после Великой чумы, когда во второй трети XIV в. относительно спокойный период в Европе закончился распространением по всей ее территории зараженных крыс, вызвавших эпидемию бубонной чумы, унесшей приблизительно треть населения [McNeill 1979: 158]). С другой стороны, *Völkerwanderungen* — миграционные потоки, — начавшиеся с переселения наших общих предков из Африки, оставили заметные следы в процессе заселения земли людьми. Но эти ранние миграции были, скорее, редкими перемещениями населения, а не расширением или интенсификацией социальных процессов, в то время как более поздние миграционные потоки являются частью экономических, политических и культурных волн.

Образование мировых религий и установление границ цивилизаций, IV–VIII вв. н.э.

Цивилизации, как мы их определили ранее, шире власти вожда или благословения священника. В определенном смысле они порождения первой транскультурной, трансполитической

волнами глобализации. Но в то время как цивилизации могут разделять основные мировоззренческие принципы и определенные ценности, волны глобализации отсылают к процессам пространственно-временного изменения. В эвристической логике данной книги цивилизации берутся как отправные точки социального геологического анализа, при этом предполагается, что расширение их ядра определяется первой волной глобализации.

Первая волна глобализации — это трансконтинентальное распространение религий, создавшее то, что мы сегодня, спустя более, чем тысячу лет, называем «мировыми религиями». В удивительно короткий промежуток времени — 400–500 лет — были учреждены центры всех мировых религий, существующие и сегодня. С тех пор границы современных цивилизаций были расширены, сжаты или размыты, но их ядра оставались неизменными. Этот период исторического распространения представляется мне более интересным, чем так называемое *осевое время*, время одновременного, но случайного возникновения великих религий (это понятие было введено немецким философом Карлом Ясперсом и развито в последние десятилетия великим израильским социологом Шмуэлем Эйзенштадтом [Eisenstadt 2006]).

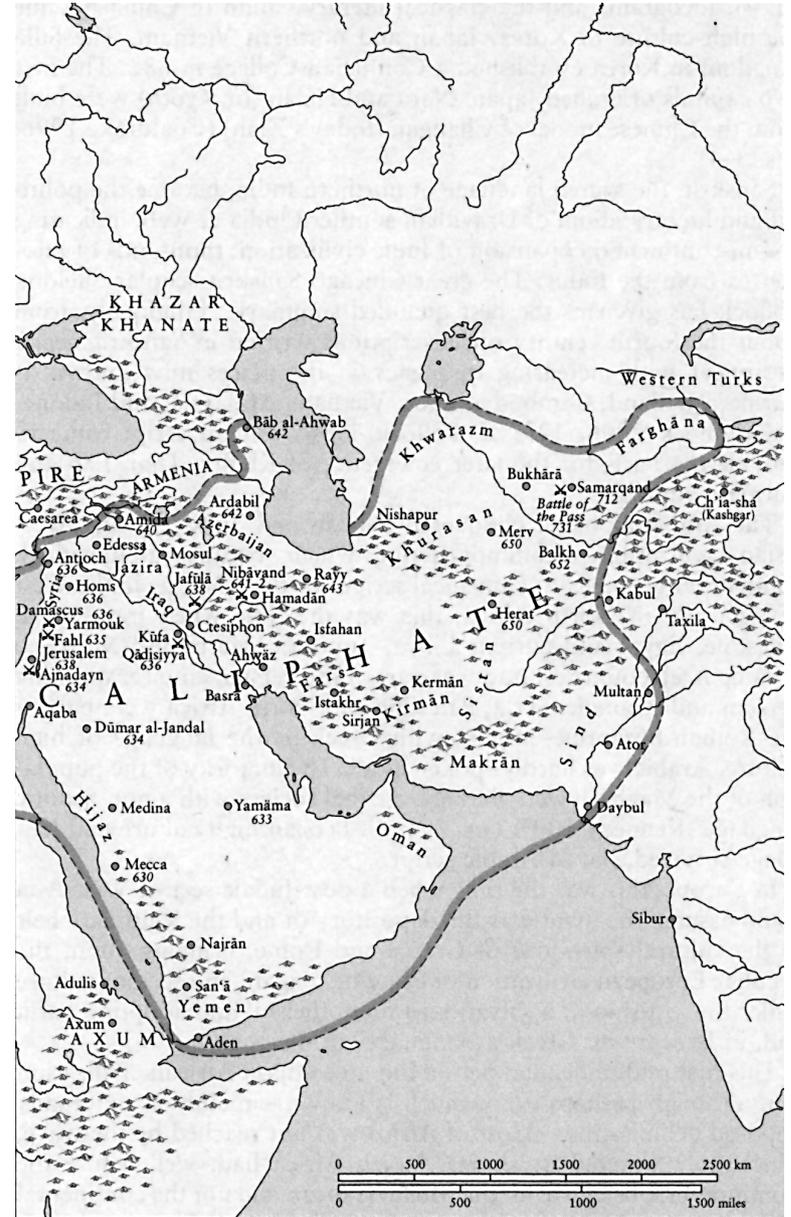
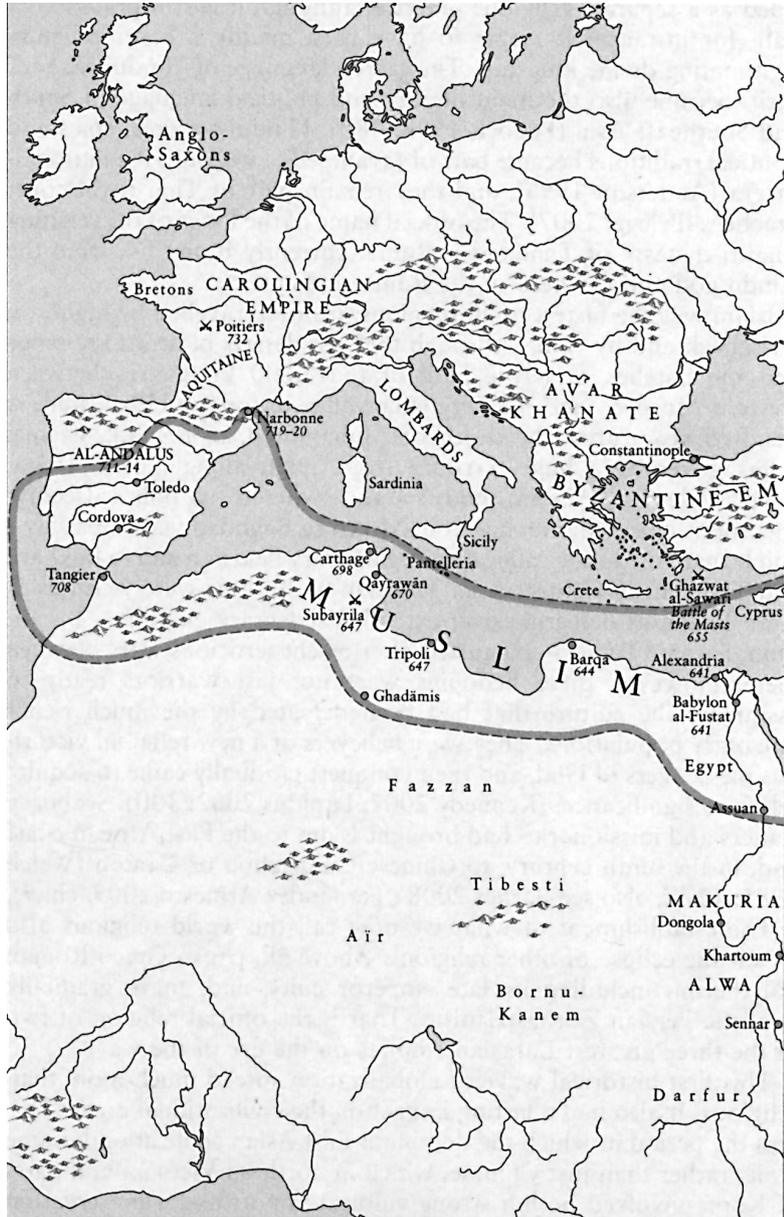
К концу IV в. христианство стало официальной религией Римской империи, откуда постепенно завоевало и остальную часть Европы. До этого оно смогло утвердиться в Армении, Грузии и на территории современной Эфиопии. Приблизительно в то же самое время, когда христианство завоевало Римскую империю, из северной Индии по Великому шелковому пути буддизм проник в Китай и оттуда далее в Корею и Японию. Несколько позже, в VIII в. н.э., он покорил Тибет [Cousins 1985: 320–331]. Но на территории синской цивилизации буддизм наряду с другими религиями всегда оставался подчиненным политической власти. Продвигаясь морским путем, он прочно закрепился в Шри-Ланке и достиг территории современной Бирмы и Таиланда, распространяясь далее на юго-восток к Малайскому архипелагу, воздвигнув великолепный храм Боробудур на острове Ява [Coedès 1966, 1968].

В этот период буддизм навсегда потерял свой «дом» в Индии (за исключением ряда обращений так называемых *неприкасаемых*, имевших место после обретения Индией независимости).

Своего рода международным центром буддизма стала Шри-Ланка, откуда позже реформированный буддизм покорил население Юго-Восточной Азии. В Индии буддизм потерпел поражение от огромной полиморфной группы верований, известной как индуизм, от которого он изначально отделился; поражение, приведшее к новому утверждению власти брахманов и кастовой иерархии.

Индуизм также был частью первой волны глобализации, распространяясь на юго-восток вплоть до западного Индокитая и индонезийских островов. Он начал формироваться одновременно с буддизмом, но за пределами Индии стал отдельной второстепенной религиозной практикой (хотя индуизм все еще распространен, например на Бали). Он был, главным образом, дворцовой религией, легитимирующей божественность монархического сана. Священный язык индуизма санскрит стал также главным литературным и политическим языком южной и юго-восточной Азии [Pollock 1998: 48ff]. Индуистские обряды, эпосы и политические традиции стали частью яванской жизни в националистическую эру [Anderson 1996] и остаются частью ритуалов тайского королевского двора [Peleggi 2007]. Официальное имя королей правящей династии Чакри в Таиланде — Рама (в настоящее время королем является Рама IX) — происходит от имени индуистского бога и героя эпоса Рамаяна.

Ислам распространялся быстрее всех остальных религий. Он часто путешествовал под покровом ночи верхом на лошадях или верблюдах через бескрайние пустыни между оазисами и участками плодородной земли по территории в 7000 км от западного Марокко до Ферганской долины в современном Узбекистане. Спустя сто лет после смерти Мохаммеда, в 632 г. н.э., исламские правители господствовали над огромной территорией, простиравшейся от Испании вдоль Северной Африки, Египта, Палестины, Аравии, современных Ирака (где вскоре был организован политический центр ислама, перемещенный из Мекки через Дамаск в Багдад) и Ирана до долины Инда в современном Пакистане, а также Бухары и Ташкента в Средней Азии. Вначале это были победы арабских бедуинов над слишком растянутыми оседлыми империями — Византией и государством Сасанидов в Персии, — истощенными недавними свирепыми войнами между собой. Однако эти бедуины были не только воинами, готовыми ассимилировать побежденную культуру намного более

КАРТА 2. Мусульманские арабские завоевания. 632–750 г. н.э.

богатого оседлого населения. Они были сторонниками новой религии, победоносными посланниками Бога, и их завоевания постепенно стали приобретать религиозное значение [Kennedy 2007; Lapidus 2002: 30ff]. В IX в. морские торговцы и миссионеры завезли ислам на побережье Восточной Африки и в китайский город Гуанчжоу, или Кантон [Welch 1985: 127ff] (см. также: [Barnes 2008; Fernandez-Armesto 2009: ch. 9]).

Становление мировых религий одновременно означало закат других религий и прежде всего языческого греко-римского политеизма, включая его поздний культ императора, и дуалистического зороастризма Персии, т.е. официальных религий двух из трех самых крупных евразийских империй накануне первой волны глобализации.

Эта первая историческая волна глобализации распространилась гораздо шире, чем религии, оказав долгосрочное влияние на ареалы цивилизаций. В этот период доминирующая восточноазиатская цивилизация стала синской, а не просто китайской, а Северный Вьетнам и Корея под китайским имперским правлением были вовлечены в двойкий процесс активного культурного импорта и сохранения самобытности (в первом случае — в течение тысячелетия) [Huard, Durand 1954: 47ff; Eckert et al. 1990: ch. 4]. Идеограммы и классический литературный канон Китая были признаны высокой культурой в Корее, Японии и Северном Вьетнаме. В 682 г. в корейском государстве Силла был создан конфуцианский колледж. Две первые столицы объединенной Японии — Нара и Хэйан (или Киото) — были построены на основе модели китайского города Чанъань (современный Сиань) [Coaldrake 1996: chs. 3–4].

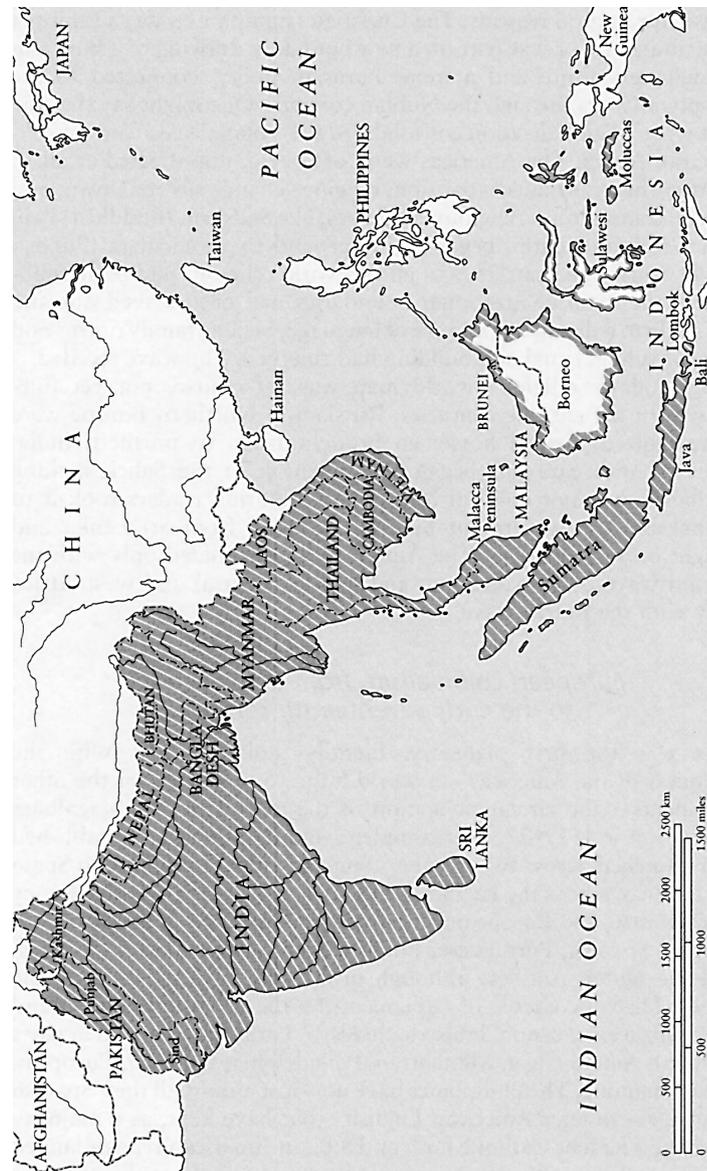
Санскрит, священный язык северной Индии, стал политическим и литературным языком и ее дравидийской южной части, свидетельствуя о распространении индийской цивилизации на половину континента на тысячи километров от Инда. Великий чикагский исследователь санскрита Шелдон Поллок дает наиболее подходящее краткое описание: «Вдруг, начиная с IV в., надписи на санскрите стали появляться все чаще и чаще в местах, сегодня известных как Бирма, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Малайзия и Индонезия» ([Pollock 2006: 123]; ср.: [Pollock 1996]). Индийская письменность создала основу для последующего возникновения кхмерского, тайского, лаосского и бирманского алфавитов.

Арабский алфавит одержал победу над персидским и тюркским языками, обеспечив западно-азиатскую цивилизацию общей письменностью, которая, будучи буквенной, никогда не смогла стать экуменической, как китайская. В это время на Западе Азии и в Северной Африке Ирак, Сирия, Палестина, Египет, нынешняя Ливия, Тунис, Алжир и Марокко стали арабскими странами. Ирак был частью Персидской империи, где население говорило на персидском и арамейском языках. Сирия, Палестина и Северная Африка были частью Римской Византийской империи, где греческий язык считался языком высокой культуры. На арабском языке практически не говорили. Большинство населения Магриба были берберами, племенным обществом с несемитским языком [Kennedy 2007: chs. 2–4, 6]. Персидская высокая культура и язык выжили, но с арабской письменностью.

В это же время в Европе постиудейскому религиозному течению Западной Азии удалось принять на себя роль хранилища и законного наследника культурного богатства Греции и Рима, вызвав тем самым появление особой европейской цивилизации, сочетающей «языческую» и светскую культуры под покровительством монотеизма спасения и принявшей в качестве церковного языка латынь, а в Византии — греческий.

В первой половине первого тысячелетия это отчасти коснулось и Африки, хотя в основном в форме навязываемого извне размежевания (но об этом известно немного). Большая часть Африки не была затронута этой волной, лишь омывшей ее берега. Задолго до нашей эры Северная Африка была частью Средиземноморья, а не континентального африканского мира. Исламские завоевания сделали эту средиземноморскую связь более хрупкой, но сохранили Сахару в качестве *водораздела* для последующих пересечений (по естественным причинам никогда не носивших частый характер). Триумф христианства на территории современной Эфиопии способствовал установлению новых границ евразийского плужного земледелия и более евразийских форм правления, связанных с египетскими коптоми через нубийский коридор. Можно сказать, что первая волна глобализации укрепила изолированное своеобразие Черной Африки. Америка, естественно, вообще не была ею затронута.

После этой масштабной экспансии темп религиозных изменений снизился, и ряд межкультурных религиозных языков — таких как санскрит, (буддистский) пали, греческий и латынь —

КАРТА 3. Распространение индийской цивилизации

начали уступать позиции местным языкам и диалектам [Pollock 1998: 50ff]. Сформировались центры всех мировых религий, установились границы основных цивилизаций, и в их пределах возникли своеобразные культуры с характерными для них языками, верованиями, семейными нормами, стилями управления, ритуалами и архитектурой. Волна экспансии отступила.

Но современная религиозная карта мира еще, конечно, не была полностью нарисована. В последующие столетия Россия и Северная Европа были обращены в христианство. Вооруженные всадники привезли ислам в северную Индию, пересекающие Сахару караваны начали внедрять его в сахеле⁴³, превратив Тимбукту в важный культурный центр, а морские торговцы доставили его в Индонезию. Из Шри-Ланки распространялась новая форма буддизма, завоевавшая популярность в Индокитае. Америка включилась в этот процесс только со второй волной глобализации, а основная часть Центральной и Западной Африки — только с четвертой волной.

Европейский колониализм, XVI — начало XVII в.

Эта волна была первой волной планетарного масштаба, глобальной в буквальном смысле слова. Завоеванием Америки — мира, неизвестного до того на других континентах, — завершилась кругосветная морская экспедиция Магеллана в 1519–1522 гг., и были учреждены империи, протянувшиеся через два океана (Тихий и Атлантический), связавшие Филиппины, Мексику и Испанию. Самое очевидное и явное наследие этой волны глобализации — европеизация Америки с точки зрения языка (распространение испанского, португальского, английского, французского языков и даже голландского, на котором говорят в Суринаме и на голландских Антильских островах, хотя сегодня он в значительной степени вытеснен латиноамериканским креольским языком папьяменто), христианской религии и цивилизационного канона. Под ее влиянием в Латинской Америке и в некоторых районах Северной Америки (например, на Манхэт-

⁴³ Сахель — эко-климатическая и биогеографическая зона в Африке, между пустыней Сахарой на севере и более плодородными землями на юге. Располагается на территории таких государств, как Сенегал, Мавритания, Мали, Алжир, Буркина-Фасо, Нигер, Нигерия, Чад, Судан и Эритрея. — *Примеч. пер.*

тене, в Филадельфии и Квебеке) распространились европейские принципы городского планирования. Сегодня на Филиппинах испанский язык практически полностью утрачен и заменен поздним американским вариантом английского языка; однако сохранилась пылкая католическая вера как религия большинства населения, а также латиноамериканский тип земельной олигархии. Следы колониализма того времени в Африке и Азии незначительны, хотя о нем и свидетельствуют игравшие важную роль в работорговле форты на территории нынешней Ганы, а также португальские церкви на Гоа и в Макао. Колониальное наследство было недавно вновь подтверждено решением независимого государства Восточный Тимор утвердить португальский язык в качестве официального языка страны.

Американцы вскоре обогатили пищевой рацион африканцев и европейцев, в меньшей степени — азиатского населения, хотя и здесь можно отметить некоторое влияние, например, новые семена, которые были завезены в Юго-Восточную Азию. Из Нового Света прибыли картофель, кукуруза, маниока, помидоры, перец чили, арахис, ананас, авокадо и т.д., не говоря уже о сахаре, табаке и кофе, выращиваемых на плантациях, организованных в Америке европейцами [Kiple 2007: ch. 14].

Европейское завоевание Америки дало европейским державам значительное преимущество перед их потенциальными азиатскими конкурентами: вначале как гигантский источник серебра, бывшего тогда глобальной валютой, а потом в качестве плантаций сахара, табака, хлопка, и т.д. с рабской рабочей силой — непревзойденного способа накопления прибыли. Намного позже, когда в XX в. Европа была истощена мировым господством и войнами, США гордо приняли факел европейской цивилизации как «западной», утверждая себя «незаменимой нацией» (согласно утверждению Госсекретаря президента Клинтона Мадлен Олбрайт).

Этот период был началом европейского военного морского господства. Китайцы отказались от экстерриториальных вод в 1430-х годах, а Османский флот был разбит в Средиземноморской битве при Лепанто в 1572 г. Торговое судоходство в Индийском океане и в зоне архипелагов западного Тихого океана все еще находилось во власти местных торговцев — арабов, бугисов, китайцев и других. Европейскому колониализму было суждено просуществовать еще долго, однако его расширение

было приостановлено на некоторое время: материнский континент погрузился в разрушительную Тридцатилетнюю войну (1618–1648). Волна спала.

Важным фактором европейского колониализма, проявившимся в этот период и продолжавшим набирать силу позднее, стала работорговля, заключающаяся в силовом захвате африканского населения и транспортировке его через Атлантический океан для работы на сахарных и других плантациях Америки. Во время первой волны работорговли около 1,5 млн африканцев были отправлены в Америку. К 1900 г. перевезли 11 млн африканцев; пик пришелся на XVIII в., когда в Америку вывезли 6 млн рабов [(Collins 2006: 137); ср.: [Blackburn 1997]].

Франко-британская мировая война 1750–1815 гг. и усиление европейской супердержавы

Это была первая мировая война в истории человечества (хотя она и не отмечается в качестве таковой), так называемая *Нулевая мировая война*. То, что противниками были две европейские державы, указывает на прочно закрепившееся за Европой к середине XVIII в. военное превосходство даже притом, что до наступления культурной и экономической гегемонии Европы оставалось еще одно столетие. Война велась в Северной Америке, Северной Африке и Западной Азии, в Индии и, конечно, в Европе. Она включала оккупацию мыса Доброй Надежды на юге Африки и острова Явы, а также соперничество военно-морских экспедиций в Тихом океане и в водах Австралии.

Фактически можно говорить о серии войн, каждая из которых имела свою непосредственную причину, включая с 1792 г. и Французскую революцию. Однако по существу это была война за европейское и глобальное господство между двумя главными имперскими силами того времени. В этом отношении она была очень схожа с Первой мировой войной XX в. Хотя решающие битвы развернулись в Европе — у мыса Трафальгар, при Лейпциге и Ватерлоо, — важнейшие театры военных действий располагались в Индии и Северной Америке. Поражение французов ни в коем случае не было предрешено: они занимали выгодные позиции в Северной Америке на территориях, прилегающих к Восточному побережью, от Квебека до Нового Орлеана, и имели в качестве союзников местные индейские племена.

Победы британцев над французами в Индии и Канаде ознаменовали долгосрочную победу английского языка и английского права, хотя в Луизиане и Квебеке все еще встречаются следы французского права и административной практики. Они также положили начало южноазиатскому крикету. Поддержанная французами американская независимость означала отступление британцев, но обессиленная Франция, не способная отвоевать Сан-Доминго у гаитянской революции⁴⁴, не смогла извлечь из этого какую-либо пользу. Вместо этого французы дешево распродали огромную территорию на Среднем Западе Северной Америки от канадской границы до Мексиканского залива. Позже им пришлось признать, что именно бывший враг-колонизатор, а не сторонник национальной независимости, смог завязать «особые отношения» с зарождающимся североамериканским гигантом. Аннексия Голландии Наполеоном способствовало началу длительного британского возмездия теперь беспомощной голландской империи. Британцы добрались до Южной Африки, Цейлона и Сингапура. Хотя большинство британцев к настоящему времени уже покинули эти территории, выбор представителей среднего и высшего класса все еще осуществлялся в пользу английского языка и английского образования.

Однако результатом этой Нулевой мировой войны было возникновение Британской империи как первой в мире супердержавы, т.е. доминирующей мировой державы надрегионального уровня, несмотря на потерю ею 13 колоний в Северной Америке. Возможно, над испанской империей — от Мадрида до Мексики и Филиппин — солнце действительно никогда не заходило, но значение испанцев на море было меньшим, чем сухопутных империй Мин, Моголов, Сефевидов и Оттоманов. К тому же британцы — своего рода морские разбойники с большой дороги — постоянно грабили их. Мировое господство теперь определено стало предметом европейского противостояния; а победа британцев над французами — как над Францией Старого порядка, так и над постреволюционной Францией Наполеона, — решило этот спор.

⁴⁴ Гаитянская революция — единственное в истории успешное восстание рабов во французской колонии Сан-Доминго в 1791–1803 гг., в результате которого колония получила независимость от Франции и сменила название на «Гаити». — *Примеч. ред.*

В то время как появление мировой державы стало очевидным, франко-британская мировая война не являлась причиной современного мирового разделения на экономически развитые и отсталые страны. К 1750 г. реальная заработная плата сельскохозяйственного рабочего в Китае или Японии была, по крайней мере, равной и, вероятно, даже выше, чем оплата труда английского рабочего, которая, в свою очередь, была почти в два раза выше заработной платы рабочего на севере Италии. Уровень заработной платы на индийских фермах начал снижаться по сравнению с английскими, но реальная заработная плата квалифицированных рабочих в Агре⁴⁵ в 1750-х годах была выше, чем у большинства европейских рабочих: например, в полтора раза больше, чем у венского рабочего, и больше, чем у рабочего из Оксфорда, хотя она и не доходила до стандартов Лондона и Амстердама [Allen 2005: Tables 5.2, 5.5]. В 1793 г. последний из великих китайских императоров, Цяньлун, отослал находящегося с визитом английского посла с письмом Королю Георгу III: «Мы никогда не ценили оригинальные вещи, и у нас нет ни малейшей потребности в вашей мануфактуре» [Spence 1990: 120].

К 1820 г. более половины мировых товаров все еще производилась в Азии, и только примерно четверть — в Европе [Maddison 2001: 263]. Могольская Индия находилась в состоянии политического и экономического распада, но для Китая XVIII в. был очень успешным и политически, и экономически. Юго-восточный азиатский архипелаг демонстрировал экономический рост, главным двигателем которого было растущее экономическое присутствие Китая, а культурное оживление (скорее, чем стагнация), похоже, имело место в XVIII в. и на северо-востоке, и на юго-востоке Азии [Reid 1997]. Персия Сефевидов приходила в упадок, а Оттоманская империя была вынуждена начать отступление из Европы. Но решающая партия еще не была сыграна.

Всеобщий империализм и возникновение разделения на экономически развитые и отсталые страны, 1830–1918 гг.

Наркотрафик, как мы это назвали бы сегодня, был тем ключом, при помощи которого Европа открыла ворота последней вели-

⁴⁵ Агра — город на севере Индии, в штате Уттар-Прадеш. С 1528 по 1658 г. был столицей империи Моголов. — *Примеч. пер.*

кой неевропейской досовременной державы и одновременно путь к мировому господству. Военные действия, начатые Британией в 1840-х годах с целью заставить Китай открыть свой рынок для опиума из британской Индии, в конечном итоге привели к краху Китайской империи и концу ее гегемонии в восточной Азии. Но и до этого контроль над рынком опиума был ключевым рычагом колониального господства в Юго-Восточной Азии [Trocki 1997: 98–99]. Современным эквивалентом была бы инициированная Китаем война за открытие рынка США для китайских кокаиновых плантаций в Латинской Америке.

Ростовщичество с изъятием собственности стало другим важным механизмом, поставившим на колени Оттоманскую империю и зависимые от нее территории. В 1869 г. правитель Туниса был вынужден объявить банкротство, так же как и султан Оттоманской империи в 1875 г. и хедив⁴⁶ Египта в 1876 г. Крупные державы Европы, возглавляемые Британией и Францией, взяли под свой контроль государственные финансы. В то время еще не существовало Международного валютного фонда. По заключению современного историка из Оксфорда, «самой большой угрозой независимости Ближнего Востока стали не армии Европы, а ее банки» [Rogan 2009: 105]. Находящиеся под угрозой режимы предприняли попытку модернизации, стоившую им очень дорого, особенно в тех случаях, когда инфраструктурные инвестиции сочетались с показным обустройством городов и строительством дворцов. Прежние налоговые системы были не в состоянии справиться с этими новыми внезапными требованиями; однако дорогие кредиты были легкодоступны до тех пор, пока пузырь не лопнул.

Превосходство в вооружении имело решающее значение: броненосцы использовались Британией против Китая и Францией против государств Западного Сахеля, магазинные винтовки и пулеметы — при завоевании всей Африки. Эти колониальные войны сходны с американскими вторжениями XX в. в Афганистан и Ирак и с израильской войной в Секторе Газа в 2009 г., по крайней мере, в одном — в огромной диспропорции возможностей убивать (так, отношение убитых израильтян к арабам часто превышало 1:100; ср.: [Curtin 2000; ch. 2]). Дей-

ствительно, в то время значительно вырос рынок вооружений, и в одном единственном случае африканскому правителю удалось победить европейского захватчика: в 1896 г. абиссинский император Менелик разгромил итальянские войска при Адуа⁴⁷, сохранив независимость своей страны до 1936 г., когда войска уже фашистской Италии смогли захватить Эфиопию. Когда одного оружия оказывалось недостаточно, колониальные политики старались объединить достаточное количество местных политических движений, чтобы сломить сопротивление непокорного населения при помощи превосходящей численности вооруженных сил, как сделали это американцы на Филиппинах и французы в Марокко.

Это, конечно, не объясняет экономический взлет Североатлантического региона и экономическую отсталость остального мира. Это только краткое описание важнейших механизмов мирового господства. Это также не попытка объяснить основание имеющего решающее значение неравенства сил в моменты конфронтации, связанного, естественно, с подъемом индустриального капитализма в Северной Атлантике. Слабость порождает злобу, в то время как сила внушает уважение. В этой книге я стараюсь объяснить, скорее, настоящее, чем прошлое.

Эта волна глобализации, начавшаяся французским вторжением в Алжир в 1830 г. и британскими опиумными войнами против Китая в 1840-х годах⁴⁸, и закончившаяся массовыми жертвами Первой мировой войны, является самой сложной; ср.: [Bayly 2004; Дарвин 2007; Hobsbawm 1987; Pomeranz 2000]. Это была волна, разделившая мир XX в. на экономически развитые и экономически отсталые страны; именно в рассматриваемый период Европа впервые в истории превзошла Азию по объему экономического производства. Доля Азии в мировом производстве упала с 56% в 1820 г. до 36% в 1870 г., продолжая снижаться до 22% в 1913 г. и до 16% в 1950 г. К 1960 г. реальная заработная плата индийского низкоквалифицированного рабочего была

⁴⁷ Адуа — торговый город в северной части Эфиопии. Более известен решающей битвой между эфиопскими и итальянскими войсками, произошедшей 2 марта 1896 г. и завершившейся героической победой эфиопских войск. — *Примеч. пер.*

⁴⁸ Так у Теборна. В историографии XIX в. принято выделять Первую опиумную войну (1840–1842) и Вторую опиумную войну (1856–1860). — *Примеч. пер.*

⁴⁶ Хедив — почетный титул вице-султана Египта периода зависимости Египта от Турции (1867–1914). — *Примеч. ред.*

на 20–25% ниже, чем в 1595 г. [Allen 2005: 121]. В период между 1870 и 1913 гг. Европа произвела чуть менее половины мирового валового продукта — 45–47%, доля Германии была в два раза больше доли Латинской Америки и в три раза больше доли всей Африки [Maddison 2001: 263]. Универсализм Просвещения Лейбница, Вольтера, Канта, Рейналя и Гердера (в форме культурного равенства и разнообразия) уступил место европейскому расизму и партикуляризму, позже представших в обличье социал-дарвинистского эволюционизма [Kiernan 1969].

Эта волна имела, по крайней мере, четыре важнейших аспекта. Во-первых, новый всплеск завоеваний, охвативший территорию от Европы до Японии и США. Он поддерживался индустриальным ростом и созданием новых типов вооружения: броненосцев с тяжелой артиллерией и пулеметов «гатлинг» и «максим». Американские военные корабли, вошедшие в Токійский залив в 1853 г., вынудили Японию начать модернизацию, в результате которой Япония вскоре стала ассоциировать модерн с империализмом, успешно напав на Китай в 1895 г. и захватив Тайвань и Корею в 1910 г. Европейские державы развязали «борьбу за Африку», поделив континент между собой на Берлинской конференции в 1884 г. В 1898 г. США напали на оставшиеся испанские колонии в Америке и Азии, присоединив Пуэрто-Рико, колонизовав Филиппины и установив протекторат над Кубой.

Во-вторых, вторая половина XIX в. стала свидетелем революции в глобальных системах связи и транспорта. В сфере коммуникаций важно отметить изобретение телеграфа и телефона и прокладывание трансокеанических телеграфных и телефонных кабелей. В области транспорта — океанские пароходы, доставлявшие в Европу дешевое североамериканское зерно, а также новозеландскую ягнятину и аргентинскую говядину (при использовании технологии заморозки).

Это, в свою очередь, оказало стимулирующее влияние на рост мировой торговли и инвестиций, защищенных имперскими державами и поддержанных международным золотым стандартом. Мировой капитализм набирал темп. После 1820 г. резко вырос объем мировой торговли, темпы роста которой с 1870 г. немного снижались (правда, при ее географическом расширении) [Maddison 2007: 81]. После отмены Британией в 1846 г.

«Хлебных законов»⁴⁹ свободная торговля стала моделью мира, хотя позже она была квалифицирована как континентальный европейский сельскохозяйственный протекционизм.

Наконец, это волна глобализации характеризовалась беспрецедентной по масштабу миграцией, усиливаемой транспортной революцией и поощряемой государствами американского континента, владельцами плантаций и колониальными чиновниками Британской империи от Тринидада до Малакки и Фиджи [Potts 1990: chs. 3–5]. Множество отважных бедных молодых людей из Европы, Китая, Японии и Индии воспользовались своим шансом, хотя выходцы из Восточной Азии вскоре были депортированы из Австралии и Северной Америки.

Главное устойчивое наследие этой волны — современное мировое разделение стран на экономически развитые и отсталые. Рост независимого Китая, Индии и большинства стран Азии после Второй мировой войны способствовал подрыву этой тенденции, а недавний взлет Китая и Индии и сегодня бросает вызов этому разделению, которое, однако, все еще остается в силе. Антиколониальное движение XX в. также представляет собой часть наследия этой волны, о чем, несмотря на победы деколонизации, все еще свидетельствует деятельность «Группы 77» ООН⁵⁰.

Далее, эта волна глобализации сформировала современную Африку, наделив ее существующими сегодня национальными границами, разумно принятыми Африканским союзом, несмотря на их явное несоответствие европейским стандартам языка и этнической принадлежности. Она также обеспечила африканские страны языком образования и культуры, например, французским — в Сенегале и Конго, английским — в Нигерии и Зимбабве. Учитывая ограниченность доступа к высшему образованию, возможны всплески постколониальных настроений, как, например, в наши дни в Руанде, находящейся под управ-

⁴⁹ «Хлебные законы» — законы, регулировавшие налог на импортируемый хлеб, действовавшие в Великобритании в период с 1815 по 1846 г. Они должны были выполнять функцию торгового барьера, защищавшего английских землевладельцев и фермеров от конкуренции со стороны дешевого иностранного зерна. — *Примеч. ред.*

⁵⁰ «Группа 77» (G-77), или «Группа семидесяти семи» (Group of Seventy Seven), — крупнейшая межгосударственная организация развивающихся стран, действующая в рамках ООН и ее органов. — *Примеч. пер.*

лением тутси, выросших в принадлежащей Британскому содружеству англоязычной Уганде. Благодаря миссионерам, христианство стало импульсом модернизации Африки, воспитав многих из ее будущих национальных лидеров, включая крайне неоднозначную фигуру Роберта Мугабе в Зимбабве.

Все закончилось самой кровавой в истории человечества войной между имперскими державами — Первой мировой. За ней последовал отход волны, выразившийся в национальной экономической деглобализации (*deglobalization*), которая с точки зрения торговли прямыми инвестициями и миграции, не была преодолена до самого конца XX в.

Глобализированная политика, 1919; 1941; 1947–1989 гг.

И хотя экономические процессы управлялись деглобализацией, зарождалась новая глобальная политика. Ее появление ознаменовалось созданием в 1919 г. Коммунистического интернационала, Коминтерна, за которым последовало заключение Антиконтинентального пакта между Германией, Италией и Японией в 1936 г. с глобальным империализмом на повестке дня. Коминтерн так никогда и не стал верховным командованием мировой революции, но он принес модель европейской революционной политики в Китай и Вьетнам, где она преобразовалась в эпохальные азиатские революции. Пакт между Германией, Италией и Японией был претворен в жизнь в 1941 г., когда Япония напала на бухту Перл-Харбор на американских Гавайях, а вслед за этим Германия и Италия, уже находившиеся в состоянии войны с Советским Союзом, объявили войну США. Таким образом, следуя за внутриевропейской войной 1939–1941 гг., началась Вторая мировая война с тремя главными театрами военных действий — Европа, Тихий океан и Китай. В итоге все три антиконтинентальные державы были разгромлены. Но результатом этой войны, а также временных тактических союзов (США и Великобритания были настроены не менее антикоммунистически, чем Германия и Италия) стало почти плавное появление новой глобализированной политики.

Она столкнула двух главных победителей во Второй мировой войне — США и СССР, «империю свободы» и «империю справедливости», как назвал их норвежский историк О.А. Вестад [Westad 2005]. Это была новая форма глобальной политики,

комбинация политики и клиентелизма старых мировых держав с глобальными объединениями политических партий и общественных движений, движимых сильным чувством идеологического долга и преданности. Действительно, можно обнаружить ряд общих черт с этапом франко-британской мировой войны после 1789 г. (особенно, это относится к 1790-м годам).

Это была эпоха освобождения Азии и Африки от европейского колониализма, появления новых национальных государств, создания современной структуры ООН. В некоторых случаях европейцы отказывались от территорий с определенным изыществом (как, например, британцы в Индии), или просто уничтожив врагов местного консерватизма (как те же британцы, на этот раз в Малакке). В Африке и британцам, и французам пришлось прибегать к сложным обходным маневрам, но итогом всегда было отступление. Имел место и ряд впечатляющих колониальных поражений: французов при Дьенбьенфу⁵¹ во Вьетнаме и десятилетием позже в Алжире, сменивших французов американцев во Вьетнаме, а также унижительное отступление британцев и французов из Суэца перед лицом американского неодобрения. Менее крупные державы — Бельгия, Нидерланды, Португалия и Испания — либо терпели полное поражение, либо были вынуждены в страхе покинуть свои колониальные владения (как бельгийцы и испанцы).

Поскольку сражения велись на периферийных (как это тогда виделось) территориях и при помощи «как бы представителей» одной из двух главных противоборствующих сторон, период после 1945-х годов стал известен как холодная война. Ее центром считался разделенный на две части Берлин. Заключительный (после 1945 г.) акт Китайской революции воспринимался как преимущественно внутреннее дело Китая, пока победу не одержали коммунисты. Тогда вопрос «Кто ответственен за потерю Китая?», т.е. «Кто отдал им наш Китай?» — стал острым вопросом внутренней политики США. Однако этот период включил в себя и кровавые локальные войны, особенно в Корее и во Вьетнаме, а также в Африке и Центральной Америке. Он закончился отказом Советского Союза от притязаний на гло-

⁵¹ Битва при Дьенбьенфу — главное сражение Первой индокитайской войны между французской армией и силами Объединенного национального фронта Льен-Вьет, развернувшееся в марте — мае 1954 г. — *Примеч. пер.*

бальное господство в 1989 г., его имплозией и окончательным распадом в 1991 г.

Глобализированная политика середины XX в. оставила в наследство устойчивые границы между национальными государствами, не говоря уже об их более эфемерных политических надеждах и идеологических экспериментах. Военное поражение Германии и Японии способствовало формированию сильных и постоянных пацифистских и постнационалистических движений в тех странах, которые продолжали препятствовать полному участию даже самых проамериканских своих политиков в любой войне, которую вели США. Для Франции и Германии Вторая мировая война была третьей разрушительной войной за менее чем сто лет, что служило сильным стимулом для поиска путей объединения Европы с целью предотвращения четвертого раунда.

Вторая мировая война закончилась разделением европейского континента между американской и советской армией, реконструкцией капитализма на Западе и установлением коммунизма на Востоке. Результатом, все еще ощущаемым в Европейском союзе, стало то, что после падения коммунизма восточноевропейские антикоммунисты склонны проявлять гораздо большую терпимость в отношении США, чем западные европейцы. Их национальное страдание, ставшее результатом заключения пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом в 1939–1941 гг., привело к появлению особого антиросийского настроения среди населения стран Балтии и Польши. Катинь, где тысячи польских офицеров были убиты сотрудниками НКВД СССР в 1940 г., считается переломным моментом современной истории Польши. В своем фильме об этом массовом убийстве, Анджей Вайда снова показал себя в роли национального барда посткоммунистической Польши. В 2010 г. Россия сделала важный шаг к постидеологическому русско-польскому примирению, с опозданием признав ответственность Советского Союза за это ужасающее сталинское преступление.

Западная Азия и арабский мир были сильно травмированы учреждением еврейского государства в Палестине — «трансплантированного» посмертного последствия европейского геноцида евреев. Новое государство постоянно находилось в состоянии войны с соседями: в 1948, 1956, 1967, 1973, 1982, 2006 и 2009 гг. Благодаря американо-израильскому союзу и своей бли-

зости к ключевым нефтяным интересам на Западе, этот локальный конфликт приобрел глобальное значение.

Послевоенные вызовы и страх перед коммунизмом на севере и юге Восточной Азии имели важные последствия помимо победы коммунистов в Китае и Северном Вьетнаме. Они привели к радикальным земельным реформам, реализованным консервативными режимами в Японии, Южной Корее и на Тайване, в то время как поражение коммунистического партизанского движения от Филиппин до Таиланда способствовало укреплению там авторитарных правых режимов. Поддержка американской военной машины во Вьетнаме и Корее открыла для них рынки США и способствовала экономическому развитию.

Южная Азия находилась вне этой зоны. Она, в свою очередь, переживала травмы разделения бывшей британской Индии, последовавших за ним религиозной и национальной резни и пограничных споров. Правда, ее длительный экономический застой под властью Британии сменился ростом, и при Неру Индия стала лидером деколонизированного мира.

Послевоенная деколонизация установила границы между бывшими колонизаторами и бывшими колонизированными национальными государствами, символически объединившимися на известной конференции в Бандунге в Индонезии в 1955 г. Ее следы все еще заметны в деятельности Движения неприсоединения (состоявшим, главным образом, из государств, бывших колониями) и «Группы 77» ООН (включавшей около 130 стран), а также в отчетах об их голосовании. Взаимозависимый процесс деколонизации Черной Африки положил начало знаменательному постколониальному панафриканскому движению.

*Самоутвержденная глобализация
и ее изменяющиеся смыслы, 1990 г. —*

Это была шестая историческая волна, давшая глобализации ее имя в период концептуального «взрыва» конца 1980-х годов [Chanda 2007: 245ff; Osterhammel, Peterson 2005]. Это период, когда время обвалилось в пространство, когда новое будущее предстало растянутым «глобализированным» пространством. Это период, когда произошли крах Советского Союза и поворот Китая на дорогу капитализма, последовавшие за поражениями рабочих Западной Европы, революционеров Латинской

Америки и африканского социализма в конце 1970-х — начале 1980-х годов.

Утопии эмансипации и идеи трансформационных изменений постепенно угасали во всем мире. В этом контексте «глобализация» возникла на горизонте как единственное возможное будущее. Будучи чисто пространственным понятием, оно обозначило «парение» современности в пространстве. Хотя у нее всегда были свои мрачные левые критики, глобализация, как представление о мире, была частью набирающей влияние правой концепции современности и модернизации, повсеместно известной как «неолиберализм», политической передовой колонной которого был британский тэтчеризм. Из-за своеобразия модных интеллектуальных дебатов это новое растущее проявление модернизма никогда не подвергалось атакам со стороны постмодернистов 1980-х и 1990-х годов (см.: например: [Anderson 1998; Bauman 1992; Lyotard 1984; Rosenau 1992; Seidmann 1994]).

Пространственность (spaciality) имеет характер двумерной плоскости, поверхности. Она не несет бремя содержания, глубины, конфликта или противоречия, другими словами, диалектики. Вот почему «глобализация» так легко приспосабливается как к критике, так и к лести. Пространственность лишена субстанционального содержания. Новая цель (критически важный момент для любой разновидности модернизма) не является больше ни «прогрессом», ни, конечно же, левым проектом «эмансипации». Прогресс означает, что нечто становится лучше, т.е., указывает на определенное качество субстанции. Глобализация же означает, что спектр воздействия и/или связей расширяется. Прогресс направлен вперед, в то время как глобализация подразумевает лишь расширение (распространение) без полагания какого-либо определенного направления. Но оба понятия отсылают к существованию некоторой мощной силы, превосходящей индивидуальное действие, указывают на нечто рациональное, на стороне которого (а не против него) должны играть индивиды.

«Глобализация» была модным термином в 1990-х годах, и бессознательно она хорошо схватила то особое сочетание быстрого изменения и «глубокой заморозки», которое характеризовало последние десятилетия XX в. и начало XXI в.. Мир быстро изменялся, но не в структурном или культурном смысле. Напротив,

события 1989–1991 гг. должны были укрепить структуру и политическую культуру мира и торжество капитализма. Но темп развития глобального капитализма и — шире — глобальной культуры ускорялся, и те, кто не плыл по течению, рисковали пойти камнем на дно. Все виды деловой активности, за исключением богатого мирового сельского хозяйства, были или скоро будут вынуждены «вариться в стальном котле» глобальной конкуренции. Финансовые мошенники накопили огромные состояния, создавая свою собственную сюрреалистическую экономику, взлетевшую выше другой, до сих пор известной как «реальная». Новые электронные СМИ окутали земной шар сетями быстрой коммуникации.

Эта шестая волна глобализации воспринималась большинством как уникальная и беспрецедентная; основными ее проявлениями стали расширение рынков, торговли товарами и услугами, а также увеличение свободы движения капитала. Глобализация приняла форму глобальной конкуренции. С социальной точки зрения пришло осознание возрастающей «глобальной связности» (global connectivity) посредством средств массовой информации и культурных перемещений. Но ретро-спективно возникает несколько другая картина.

Раздутое антиисторическое представление о беспрецедентной активности все чаще ставится под сомнение, хотя точка зрения автора этой книги на «длинные волны» всемирной истории крайне далека от общепринятых взглядов. Развитие капитализма стало реже рассматриваться в терминах пространственного расширения и чаще — как структурное перемещение прибыльности из области промышленности и услуг в финансовую сферу. Развитие коммуникаций выходит на передний план. В конце концов, наиболее важным фактором становится растущее признание того, что в этой текущей волне мы переживаем не столько глобальное расширение, сколько глобальное изменение силы или центра тяжести. Оглядываясь назад, начиная с 2010 г., глобализация выглядит, скорее, не как расширение американского капитализма, а как его ограничение, вызванное прежде всего ростом Китая и Индии.

Два главных потока задали направление этой знакомой нам последней волны глобализации. Первый связан с революцией в средствах электронной коммуникации, с ключевой ролью Интернета как глобально доступного средства общения и все-

мирной массовой «самокоммуникации» (self-communication). Он зародился в 1980-х годах и набрал силу к 1990-м [Berners-Lee 1999]. К 2007 г. почти четверть человечества использовала Интернет [Tryhorn 2009]. Спутниковое телевидение и цифровые каналы также преобразовали глобальное поле средств массовой информации.

Вторым направляющим потоком стала капиталистическая финансовая система, стремительно превратившаяся с середины 1980-х годов во всемирное электронное казино, в котором огромные суммы фиктивных денег — так называемые *производные финансовые инструменты (деривативы)* — торгуются на основании валютных ставок и приблизительных оценок будущего. В последние годы основным продавцом деривативов в мире был французский банк *Société Générale*. В январе 2008 г. мир смог мельком увидеть масштабы ставок в этом мировом финансовом казино, когда обнаружилось, что из-за ошибки младшего трейдера банк потерял 4,9 млрд евро. Впечатляющий общий объем его ставок, сделанных от имени банка, составил 50 млрд евро, что практически равняется объему национального дохода Вьетнама [Financial Times, 28/11/2008]. Похоже, что цель трейдера состояла не в том, чтобы украсть деньги банка, или нанести ему ущерб, а в желании продемонстрировать руководству его трейдерские способности. К его удивлению финансовый кризис был уже за углом.

Неолиберальная идеология, подкрепленная кризисом послевоенного кейнсианства в 1970-х годах и победой капитализма в холодной войне, дала стимул к развитию свободного движения капитала и свободной торговли. Делегитимация расизма в период после 1960-х годов наряду с новыми транспортными возможностями способствовали росту миграции в экономически поляризованном мире в 1980–1990-х годах. Сегодня количество родившихся за рубежом резидентов сравнялось с их долей в населении мира столетие назад.

С точки зрения торговли глобальных потоков капитала, наконец, веры в финансовый капитализм, сегодня уже можно утверждать, что 2008 г. стал свидетелем окончания последней волны глобализации. В 2008 г. объемы мировой торговли и трансграничные потоки капитала резко сократились [IMF 2009]. Пока еще очень рано делать предположения о том, что их заменит в долгосрочной перспективе. Редакторы американско-

го еженедельника Ньюсвик (Newsweek) и директор Всемирного экономического форума к 2009–2010 гг. уже были убеждены в том, что это не будет иметь большого значения в будущем [Newsweek 2010].

Однако даже если кризис 2008–2009 гг. окажется не более чем «спуском» в продолжающемся «глобальном серфинге», его значение и смысл начинают изменяться. Волна принимает направление, не замеченное глобализационным дискурсом 1990-х годов. Она больше не представляет собой только, или по преимуществу, расширение рынков, развитие виртуальных сетей и сжатие пространства-времени. Она также — и, возможно, прежде всего — является эпохальным глобальным изменением экономического и политического (именно в таком порядке) центра тяжести, смещающегося из Европы и Америки назад в Азию, на Восток и на Юг. В 2007 г. Китай стал третьей по величине экономикой мира, а в 2009 г. — самым крупным в мире экспортером и обладателем самого крупного автомобильного рынка [International Herald Tribune, 1/11/2010: 13]. Прогнозируется, что в 2010 г. он должен занять место Японии, являющейся второй по величине экономикой мира. В период глобального кризиса в 2008–2009 гг., саммиты «Большой восьмерки» — объединения крупнейших западных экономик, Японии и России⁵² — уже не обладали достаточным авторитетом для принятия решений; и их заменили встречи «Группы двадцати» с участием Китая, Индии, Бразилии и других стран, находящихся вне Североатлантического региона. Скромное соглашение о климате, принятое, наконец, на встрече ООН в Копенгагене в 2009 г., было разработано США и Китаем и поддержано Бразилией, Индией и Южной Африкой.

ПУТИ К МОДЕРНУ И ИХ НАСЛЕДИЕ

Сегодня, мы все можем считаться *современными* (modern). Но стали современными мы очень разными путями, образующими еще один слой нашей культурной конституции. На средневековой латыни слова *Modernus* и *Modernitas* означали «настоящее», в форме, соответственно, прилагательного и существительного.

⁵² В марте 2014 г. членство России в «Большой восьмерке» было приостановлено. — *Примеч. ред.*

Они обычно противопоставлялись словам «античный» и «античность», относившимся к классической греко-римской эпохе европейской цивилизации. Как таковое понятие «современный» развивалось как эстетическая категория, служащая целям оценки: что лучше — древний или современный? [Gumbrecht 1978; Graevenitz 1999].

В английском социальном дискурсе понятие «модерн» (modernity) редко использовалось вплоть до появления постмодернизма в 1980 г. Мне представляется целесообразным использовать его для обозначения *культурной ориентации*: не какого-то особого рода социальных институтов, а ориентации, отказывающейся от достижений и правил прошлого в пользу настоящего, с целью построения нового, «земного» (this-worldly) будущего. В этом смысле, перспектива модерна подразумевает линейную, в отличие от циклической, концепцию времени, а также направленность «стрелы времени» вперед, в отличие от от времени как форме упадка в теориях золотого века. Таким образом, модерн — это целая эпоха, общество, культура, государство, в котором господствует модернистская ориентация, т.е. ориентация, направленная в будущее. Это «понятие-факел», освещающее эпохальные моменты социальных и культурных изменений. В качестве временной ориентации оно обладает ясным эмпирическим значением, в качестве общего понятия оно применимо к политике и экономике, а также к сфере искусства и познания.

Когда, где и как модернизм (modernism) стал господствующим направлением? Может ли закончиться его господство? Есть ли такие примеры в истории? Как и все человеческое, господство модернизма, безусловно, не гарантировано: следует вспомнить недавнюю попытку постмодернистов свергнуть его с пьедестала. Хотя эта попытка и не удалась, она стимулировала осознание модерна и дискуссии на эту тему. То, каким образом это понятие используется в данной книге, подразумевает вероятность существования других, исчезнувших в прошлом, состояний модерна. Но дискуссию о том, может ли история человечества быть интерпретирована таким образом, я вынужден оставить для другой книги. Здесь я начинаю с вопроса о том, как модернизм стал ориентацией, господствующей в различных частях мира. И опять, в поле моего внимания находится не столько исторический процесс, сколько его устойчивые последствия, заметные сегодня.

Эмпирически рост модернизма может быть изучен наилучшим образом с точки зрения конкретных практик, таких как познание, искусство, экономика и политика. Нет основания ожидать синхронных изменений в этих областях. Скорее, наоборот. В Западной Европе прорыв научного модерна пришелся на первую половину XVII в.; теоретически он представлен в работах Фрэнсиса Бэкона и Рене Декарта, порвавших с классическим авторитетом Аристотеля, и вскоре был институционально закреплен Британским королевским обществом и Французской академией наук. Открытие Нового Света, неизвестного в античную эпоху, способствовало современному развитию познавательных практик; однако утверждение о его решающем значении представляется необоснованным проявлением американоцентризма. Прорыв произошел, главным образом, в физике и философии, а не в антропологии и ботанике.

В конце XVII в. Франция стала полем крупной эстетической битвы, так называемого *спора о древних и новых*, затронувшего в первую очередь литературу. Победу одержали «новые», но во Франции «новый век» Людовика XIV позже стал известен как «классическая эпоха» (*L'âge classique*), а литературный модернизм датируется двумя столетиями позже, со времени Шарля Бодлера. Только к середине XVIII в. утверждается эволюционная концепция средств жизнеобеспечения (means of livelihood), и подъем новой постаграрной экономики провозглашается шотландским Просвещением в работах Джона Миллара «Происхождение различия рангов» и Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов».

В XVIII в. политическая теория была еще в значительной степени ориентирована на прошлое. Понятия «реформа(ция)» и «революция» по-прежнему относились к событиям славного прошлого, времени чистоты и свободы — например, английской «Славной революции» 1688 г. и — в определенном смысле — это правильно, учитывая значение префикса «ре». В качестве альтернативы, «революция» также могла означать круговое движение, как, например, в работе Коперника о движении планет «*De Revolutionibus planetarum*», или в основной статье о революции из французской «Энциклопедии», обобщающей знания эпохи Просвещения, где говорится о движении колес в часовых механизмах. Французская революция аннулировала значение этого префикса и представила революцию и реформы

как ключи к будущему. Вскоре после этого кампания за парламентскую реформу в Великобритании показала, что слово «реформа» также потеряло свою ретроспективную коннотацию ([Therborn 1989]; ср.: [Kosellek 2002: ch. 10]).

Прорыв модерна может происходить в разное время в различных областях одного и того же культурного ареала. Но с точки зрения социального господства и понимания социально-геологического образования современного мира решающее значение, похоже, имеет победа ориентированной на будущее концепции политики как концентрации коллективных сил общества. Политический разрыв модерна с прошлым принял различные формы и произошел в разное время в разных частях мира. В эмпирической работе, посвященной истории избирательного права [Therborn 1992], я пришел к выводу, что все эти различия могут быть обобщены в виде четырех ключевых путей к модерну, определенных через конфликтные линии поддержки и отторжения нового. Их можно различить в общих аналитических терминах, и, следовательно, использовать не только для классификации групп стран, но и как идеальные типы, из которых два или более могут актуализироваться в какой-то конкретной стране.

Таким образом, встают следующие вопросы. Как сформировалась новая политическая культура, ориентированная на будущее? В результате внутреннего развития в рамках данного общества или влияния/давления извне? На какие силы опиралась эта новая культура? На новый социальный слой внутри данного общества, на внешнюю силу или на часть его прежней элиты? Где были главные силы и воспринимаемые Другие, выступавшие против модерна на стороне традиционной власти, подчинения и варварства?

Ответы на эти вопросы — четыре основных пути к модерну — не только являются частью истории, но также и частью геологической формации современного общества.

Европейский интернализм

Французская революция 1789 г. и последующий за ней период, возвестили о политическом прорыве модерна в Европе, даже если он в прямом смысле потерпел поражение от контрреволюционного альянса в битве при Ватерлоо, результатом кото-

рого стало краткосрочное восстановление монархии и создание реакционного объединения ключевых континентальных держав — Священного союза. Как было отмечено выше, именно Французской революции мы обязаны современным значением слов «революция» и «реформа». Несмотря на временное поражение она символизировала решительную победу нового принципа политической легитимности — нация, народ, — который возник (но более постепенно) и в рамках британского парламентаризма. По словам моего коллеги, замечательного специалиста по политической теории Джона Данна, «только после 1789 г. все люди заговорили о демократизации обществ, к которым они принадлежали» [2005: 17] (курсив опущен).

Революция ни в коем случае не была чисто эндогенным результатом развития Европы. Она была вписана в контекст франко-британской войны (третьей волны глобализации) с ее катастрофическими последствиями для государственной финансовой системы Франции, что в свою очередь вызвало цепь событий, приведших к революции. Тем не менее это был полностью внутренний европейский конфликт, столкнувший революционные силы Франции и силы реакции. Последним помогли реакционные силы из других европейских стран, в то время как первые также старались заручиться поддержкой своих европейских друзей.

После поражения революции 1789–1799 гг., начиная с французской революции июля 1830 г., новая европейская политика начала извилистый путь, но полностью достигла успеха только в 1917–1918 гг. с падением Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов. В течение этого времени центральный конфликт политической власти находился внутри европейской цивилизации; колониальные подвиги ничего не решали. Вмешательство США в Первую мировую войну, безусловно, повлияло на ее исход, но судьба побежденных была решена в Австрии и Германии. По всей Европе новым концепциям пришлось бороться за существование через внутренний конфликт без поддержки или опоры на зарубежные модели, против сил местного традиционного общества. Во всех своих проявлениях европейский путь был выможен революциями и гражданскими войнами.

За пределами Европы внешние модели, угрозы и силы оказали ключевое воздействие, отрицательное или положительное. История модерна не может быть сведена к истории культуры.

Она является также историей мировой власти. Достижения в сфере науки и промышленности, скажем, Королевского общества в XVII в. или Лунного общества Бирмингема в XVIII в. не просто «рассеивались» по всему миру. Они стали частью европейского стандарта, распространившегося при помощи гораздо более весомых аргументов — корабельной артиллерии и пулеметов Гатлинга.

Новый Свет и его Другие

До европейских колониальных поселенцев идеалы и модели нового общества были донесены европейским Просвещением, а в случае Северной Америки — политической философией 1688 г. и британской радикальной критикой, направленной против Ганноверской династии, правившей в Великобритании в XVIII в. Однако, несмотря на вдохновение и помощь со стороны Европы (поддержка Францией независимости Северной Америки и позднее открытие возможностей испано-американского сотрудничества после поражения испанской монархии), основную силу модерна составляли американцы — продукт «трансплантированного» общества поселенцев. Они не только импортировали идеи европейского Просвещения и Британских протестантских диссидентов, но и внесли свой вклад в проект модерна.

Независимость с момента ее завоевания являлась определяющим моментом американского политического модерна. Хотя понятие революции распространилось от США до Аргентины и несмотря на то, что власть метрополий пользовалась определенной поддержкой в США, в Мексике и особенно в Перу стремление к независимости в Новом Свете не выражалось в революциях или гражданских войнах европейского типа. Независимость стала результатом войн за отделение. Враги колониального модерна в основном не принадлежали обществу поселенцев: это были коррумпированные ретроградные правительства метрополий с цеплявшимися за них лоялистами, варвары, дикие туземцы и грубые рабы. Внутри же колониального общества едва ли было места для власти, выступающей против модерна. Католическая церковь в Латинской Америке в целом мудро воздержалась от поддержки власти метрополии, а Северная Америка была создана, прежде всего, протестантскими диссидентами.

Модерн в Новом Свете был эпохой поселенцев-колонизаторов и плантаторов-рабовладельцев с угнетенными «несовременными» жителями рядом с ними: местным населением, рабами и бывшими рабами. Традиционная власть принадлежала метрополии и ее представителям, присылаемым из-за океана.

Заморские колонии в Новом Свете имели ряд заслуживающих упоминания вариантов, хотя здесь мы не можем воздать им должное со всей аналитической строгостью. Первый — это территории, которые в период, предшествующий деколонизации после Второй мировой войны, были известны как «белые доминионы»: постепенно обретавшие независимость (но сохранившие лояльность империи) Австралия, Канада, Новая Зеландия и Южная Африка, которые добровольно согласились — хотя и не без внутренней оппозиции, — вести войну за Британскую империю во время Первой и Второй мировых войн. Яркой иллюстрацией этой лояльности, а также интеллектуальной бедности утилитарно-рационального выбора является тот факт, что ключевой памятной датой австралийской государственности является День АНЗАК (Австралийско-новозеландского армейского корпуса). Памятники АНЗАКа прославляют австралийских солдат, павших во имя империи в Галлиполи⁵³ (расположенном на другом континенте, на расстоянии двух океанов) во время Первой мировой войны. Тем не менее — при всей их имперской лояльности — белые доминионы выбрали свой собственный путь к модерну, весьма отличный от родины.

Израиль — результат сионистского завоевания большей части территории Палестины — является еще одним вариантом, небольшим по масштабу, но со значительными международными последствиями. Как уже однажды произошло с белой частью населения Южной Африки, Израиль столкнулся лицом к лицу с Другим (палестинцами), который был усилен (социально и культурно) постоянными актами насилия и унижения. Наконец, стоит отметить Сингапур, как единственный неевропейский вариант колонии в Новом Свете, населенной глав-

⁵³ Галлипольский полуостров — полуостров в европейской части Турции. Расположен между Саросским заливом Эгейского моря и проливом Дарданеллы. В ходе Первой мировой войны по инициативе Уинстона Черчилля странами Антанты была развернута масштабная военная Дарданельская операция с целью захвата столицы Турции Константинополя и открытия морского пути в Россию. — *Примеч. пер.*

ным образом китайцами, а также представителями различных азиатских этнических и культурных групп. Город был колониальным творением, однако колонизировать в нем было некого; поэтому и сама колония также не была построена ни рабами, ни наемными работниками. Поселенцы Нового Света отдают дань уважения своим конкистадорам, бывшие колонии — нет. Бизнес-класс Сингапурских авиалиний называется «класс Раффлза⁵⁴» (в честь имперского основателя города). Никому из руководителей индийской авиакомпании *Air India* не придет в голову идея назвать бизнес-класс, скажем, «классом Керзона⁵⁵».

Колониальная травма: отождествление с агрессором или восстание против него

Колониальная политика государств модерна, таких как европейские государства XIX–XX вв., предполагала его навязывание извне после того, как нанесено поражение местной традиционной власти. На колониальные территории модерн был в буквальном смысле принесен на штыках. Колониальный модернизм обычно ограничивался непосредственно колониальной администрацией, постройкой отдельных колониальных поселений, в идеале удаленных от местных селений и нежелательных соседств на расстоянии среднего полета москита (о существовании этой дистанции, составляющей 3–500 м, я узнал из очень подробной, и даже несколько протекционной выставки в Королевском музее Африки в Брюсселе, посвященной Конго), а также добычей и экспортом товаров. Редкие вмешательства в чуждые европейцам-христианам семейные, гендерные и половые практики, например, жертвоприношение вдов в Индии, детские браки и многоженство, как правило, оказывались неэффективными. С другой стороны, после нанесения поражения традиционным властям или их подчинения, колониальные державы стали поддерживать и использовать эти власти как своего рода пастушьих собак для повседневного управления колонизированной

территорией. Этнические границы и традиционные нормы были укреплены процедурами классификации и кодификации (см., например: [Mamdani 1996: 50ff]).

В то время как европейский колониализм имел слабое модернизирующее влияние на основную массу колонизированного населения и его образ жизни, он открыл новые возможности для меньшинства. Создание портов, автомобильных и железнодорожных дорог и их эксплуатация, развитие горнодобывающей промышленности, плантаций и мелкого производства обеспечило новые рабочие места и породило новые коллективные социальные отношения в рамках зарождающегося, правда, небольшого и ограниченного, рабочего класса. Развитие товарных культур создало класс колониальных фермеров и плантаторов. Имперские войска нуждались в местных солдатах и осуществляли массовое рекрутирование в Индии и остальных колониальных территориях во время обеих мировых войн. Наконец, политически наиболее значимое последствие заключалось в создании современных, хотя и строго ограниченных, условий образования, что, в свою очередь, вкупе с потребностью колоний в служащих, привело к образованию новой колониальной элиты.

Наиболее систематично и наиболее успешно это было сделано в Британской Индии, в соответствии с целью основателя системы Томаса Бабингтона Маколей⁵⁶, заключавшейся в создании «класса лиц, индийцев по цвету кожи и крови, но англичан с точки зрения вкуса, мнений, морали и интеллекта... которые могут быть переводчиками между нами и миллионами, которыми мы управляем» [Keay 2000: 431]. Эта система хорошо работала вплоть до начала 1940-х годов, когда Партия конгресса начала свою кампанию «Долой из Индии». Даже после обретения независимости тем, кому удалось его получить, продолжают гордиться своим «маколейским» образованием: «Его польза [для модернизации Индии]... заслуживает самой высокой похвалы», — написал в 1960 г. один видный законодатель, государственный служащий и дипломат [Panikkar 1960: 22–23].

Новый рабочий класс создал современные ассоциации, профсоюзы и общества взаимной помощи, а также современные

⁵⁴ Томас Раффлз (1781–1826) — государственный деятель Британской империи, востоковед, основатель современного Сингапура. — *Примеч. ред.*

⁵⁵ Джордж Натаниэл Керзон (1859–1925) — видный английский публицист, путешественник и государственный деятель, в 1899–1906 гг. занимавший пост вице-короля Индии. — *Примеч. пер.*

⁵⁶ Томас Маколей (1800–1859) — видный британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик. В 1830-е годы занимал ряд видных постов в колониальной администрации Британской Индии. — *Примеч. ред.*

формы коллективного действия: забастовки и демонстрации. Плантаторы были призваны поддержать умеренный национальный консерватизм. Солдаты в целом отличались удивительной верностью своим колониальным командирам (мятеж, произошедший в Индии в 1857 г., редкое исключение), хотя и были способны организовать группы давления против колониальной дискриминации, особенно после Первой мировой войны — опыта, открывшего им глаза. Но именно новая малочисленная образованная элита (*évolués* — как назвали бы их французы) обратила свое современное политическое образование — свои знания о нациях, народах и правах — против своих господ и создала движение антиколониального национализма. Патрис Лумумба, первый премьер-министр Конго, недолго задержавшийся на своем посту, является символическим примером. Это был путь к модерну через антиколониальное восстание. В Бирме, начиная с 1930-х годов, националисты начали гордо называть себя *thakin*, «хозяевами» [Callahan 2009: 36].

Первой успешной антиколониальной революцией стало восстание рабов Сан-Доминго в 1791 г. Коренное колонизированное население была искоренено, завезенным рабам осталось лишь название их острова — Гаити; последним, однако, удалось свергнуть своих господ вскоре вслед за беспорядками в ходе Французской революции. Являясь уникальной среди рабовладельческих колонией, управляемая французами Сан-Доминго обладала значительной долей зажиточных мулатов и освобожденного чернокожего населения. Отказ им в новых политических правах, достигнутых в результате революции, разжег пламя восстания. Несмотря на все трудности, Гаити удалось выстоять во время крупномасштабной попытки, предпринятой Францией в 1802 г., вернуть себе остров и вновь ввести рабство. Хотя гаитяне были хорошими воинами, закаленными в межимперских боях, проходивших на острове между французами и испанцами, их решающим союзником стал *Aedes aegypti*, москит — переносчик желтой лихорадки, приведшей к гибели большей части французских войск.

Первое постколониальное общество было искалечено своими родовыми травмами. Его первый лидер — способный, бывший управляющий плантациями, офицер испанской, а затем французской колониальной армии Туссен-Лувертюр, — был захвачен французами и отправлен умирать в холодном подземелье замка

Фор-де-Жу в Юре⁵⁷. Долгое десятилетие войн породило озверевшую военную элиту, смертельно разделенную на мулатов и чернокожих. Новая страна унаследовала культуру рабства, где работа и инициатива, выходящие за рамки выживания, считались уловками угнетателей. «Черные якобинцы» не оставили после себя значительного конструктивного наследия, однако в наше глобализированное время постепенно распространяется признание того, что мы, привилегированные *Nachgeborenen* (родившиеся после), должны отнестись к ним с уважением как первопроходцам. Гаити — один из примеров, исходя из которого, мы можем анализировать проблемы постколониального модерна. (Классической работой по теме является [James 1938/1989]; замечательный обзор, сделанный современным историком, см.: [Blackburn 1988: 190ff, ch. VI]; см. также глубокий анализ эпидемиологической стороны этого вопроса: [McNeill 2010: 236ff].)

Антиколониальный модернизм колонизированных — перспектива, перенятая также в Латинской Америке конца XX в., отвергавшая креольские корни поселенцев, — был крайне благоприятен для возникновения радикализма. Колонизированные представители модерна — поколение Неру, Сукарно,⁵⁸ Хо Ши Мина и Нкрума⁵⁹ — по всей вероятности, были людьми, наиболее остро чувствовавшими противоречия либерального европейского модерна. С одной стороны, солидаризировались с агрессором — колониальной властью, — восприняв его язык, культуру, политические принципы нации/народа, прав и самоопределения. С другой стороны, они были свидетелями отказа их народу в правах и самоопределении, надменного лица и железного кулака либерального империализма. Социалистический радикализм в коммунистическом и некоммунистическом варианте стал постоянной характеристикой антиколониального национализма периода после Второй мировой войны.

⁵⁷ Юра — горный массив во Франции и Швейцарии. — *Примеч. пер.*

⁵⁸ Сукарно (1901–1970) — лидер освободительного движения Индонезии, ее первый президент и один из основателей Индонезийской национальной партии. — *Примеч. пер.*

⁵⁹ Фрэнсис Нвиа Кофи Кваме Нкрума (1909–1972) — ганский философ, социолог и политолог; основатель Народной партии конвента; первый премьер-министр и первый президент независимой Ганы. — *Примеч. пер.*

*Приспособительные раскрытия
и закрытия реактивной модернизации*

В рамках четвертого пути — реактивной модернизации — модерн был завезен частью внутренней элиты, чувствовавшей сильную внешнюю угрозу своей территории, и навязан сверху населению, по-прежнему следовавшему традиционной ориентации. Здесь модерн развивается как упреждающая реакция. Этот модернистский проект был направлен на укрепление потенциала населения для защиты существующего государства. Первоначально он понимался исключительно в военных терминах: создание современных вооруженных сил, развитие военных технологий и инфраструктуры. Однако в случае продолжающейся необходимости программа в скором времени расширилась и на другие ключевые сферы: экономические технологии, образование, транспорт, здравоохранение и политические институты. Одной из основных целей являлось создание новой, более устойчивой формы социальной сплоченности, рассматриваемой в качестве фундаментальной силы, способной противостоять угрозе, исходящей от империалистических держав (подробнее см.: [Therborn 1992; Curtin 2000: chs. 8–10]).

Шансы на успех подобного преобразования сверху были бы незначительны без изменения *старого порядка (ancien régime)* и без некоторого удачного стечения геополитических обстоятельств в эпоху воинственных соперничающих империализмов (ср.: [Reid 1997]). Оттоманская империя и империя Цин⁶⁰ были повержены, так же как и монархия династии Чосон в Корее. Сямская и в особенности абиссинская монархии также долго не продержались. Только японский проект был полностью успешным. Он начался с более высокого общего уровня развития экономики и образования и использовал выгодную близость к исторически гораздо более богатому природными ресурсами, но теперь оказавшемуся слабым, соседу Китаю. Этому успеху также способствовало отсутствие традиционных дворцовых интриг со стороны сильных консервативных клик — чумы всех слабее монархий, — а также отсутствие мощного духовенства, главной реакционной силы в мусульманских государствах. Так называемая имперская Реставрация эпохи Мэйдзи означала

⁶⁰ Цин — здесь последняя из императорских династий, правивших Китаем (1644–1912). — *Примеч. ред.*

не приход к власти императора и его двора, а модернизационную перегруппировку аристократии и дворянства.

В то время как сегодня только Япония и Таиланд (бывший Сиам) являются непосредственными примерами реактивной или упреждающей модернизации, наследие японских первопроходцев — чья морская победа над русскими в 1904 г. вдохновила азиатских и африканских патриотов от Кореи до Египта, где ведущий в то время интеллигент-националист Мустафа Камиль опубликовал об этом книгу «Восходящее солнце» ([Hourani 1983: 205]; см. также: [Aydin 2007: 78ff]), — получило гораздо более широкое распространение. Ему пытались следовать король Афганистана в 1920-х годах, а также абиссинские правители Менелик и Хайле Селассие. Современные монархии Аравийского полуострова и зоны Персидского залива принадлежат к этой группе, хотя их огромное богатство позволило им сохранить гораздо больше местных традиционных институтов. Требующая переговоров геополитика нефти означала, что эта упреждающая модернизация была направлена как против внутреннего радикализма, так и внешних угроз. Японская модернизация сверху вдохновила создание национальных развивающихся государств (national development states) в Восточной Азии в период после Второй мировой войны, начиная с Кореи и Тайваня, чему способствовал инклюзивный характер японского колониализма. Позднее Сингапур, Малайзия и другие страны также последовали их примеру, встав на путь целенаправленной, последовательной модернизации, соединенной с пристальным вниманием к вопросу национальной сплоченности.

В период, предшествующий образованию современных национальных развивающихся государств, реализуемые государством сверху социальные преобразования были активно и жестоко начаты Мустафой Кемалем в Турции и большевиками в России. Прежде всего это относится к проекту строительства «социализма в отдельно взятой стране» Иосифа Сталина. И Сталин, и Кемаль Ататюрк предприняли попытку создать сильные, современные государства на фоне внешних военных интервенций, уничтоживших старое имперское государство и представлявших смертельную угрозу для последующих режимов. Поскольку эти преобразования были реализованы новыми, революционными режимами, последствия их отличались: оказывая разрушительное, а не трансформирующе-связующее

воздействие на социальную ткань, они в то же время способствовали непреднамеренному воспроизведению в сельских районах верований и практик, свойственных эпохе премодеерна. Афганские коммунисты, представлявшие еще одно радикальное модернистское меньшинство, пытались пойти тем же путем в 1980-х годах. Они были уничтожены гигантской коалицией врагов: патриархально-племенной реакцией, масштабным контрреволюционным союзом международных исламистских боевиков, американским вооружением, деньгами Саудовской Аравии и пакистанскими спецслужбами. Против этой коалиции поддержка со стороны Советского Союза оказалась, в конечном счете, неэффективной.

Гибридные пути: в первую очередь Россия и Китай

Выше мы уже отмечали, что пути к модерну могут рассматриваться как абстрактные типы; это означает, что существуют страны, выбирающие две или более траектории. В этом смысле в современном мире существуют два таких гибрида — Россия и Китай, страны, в которых произошли две самые крупные революции XX в. (подробнее см.: [Anderson 2010]). С помощью более детального анализа, можно, несомненно, выявить и другие примеры. Например, обширные территории, ранее принадлежавшие Оттоманской арабской империи, в частности Египет, и предпринявшие безуспешную попытку упреждающей модернизации и подвергшиеся колонизации в большей степени, чем Китай в конце эпохи правления Цин, однако не колонизированные полностью, как Алжир. Малайзия является еще одним примером гибридного пути со своими отличительными особенностями. Малайские султанаты никогда не были полностью колонизированы, и независимую Малайзию следует анализировать через призму ее смешанного происхождения — бывшая полуколония и реактивная модернизация. Первая определяет его многонациональность (полиэтничность), последняя — авторитарный малайский консерватизм, ориентированный на модернизацию. Характерно, что главный памятник независимого Куала-Лумпура не посвящен ни независимости, ни борьбе против колониализма, а посвящен победе в «Войне в Малайе» — подавлению коммунистического восстания силами Британского содружества после Второй мировой войны. Южная Африка за-

родилась как поселенческое государство американского типа, которое, в конечном счете, свелось к неудачной попытке установления колониального государства. Значительную часть Индии до ее независимости составляли находящиеся под имперским протекторатом так называемые *туземные княжества*⁶¹ во главе с местным правителем. Однако — по крайней мере, с глобальной точки зрения, — они оставили малозначимое наследство постколониальной Индии, за исключением сложных конфликтов в Кашмире.

Россия — европейская держава, и ее революция 1917 г. была очень похожа на европейскую, ориентированную на модернизацию, Французскую революцию 1789 г., бывшую образцом для революционеров 1917 г. во время Февральского и Октябрьского восстаний. Большеви́стская революция было восстанием европейского типа, восстанием городского промышленного рабочего класса, организованного и сплоченного партией, развивавшейся в рамках международного европейского рабочего движения.

Однако Ленин и другие большевистские лидеры прекрасно осознавали, что они и их последователи составляли лишь меньшинство в преимущественно аграрной стране. Тем не менее модернистское прочтение исторического развития дало им, по их собственному мнению, право начать глубокие социальные преобразования сверху. Одним из первых примеров стало радикальное, антипатриархальное семейное законодательство, принятое в октябре 1918 г. Первоначально Ленин видел в русской революции случайную вспышку мировой революции, которая вскоре должна разгореться прежде всего в Германии — центре европейского рабочего движения. Но этого не произошло, и с конца 1920-х годов Советский Союз под руководством Сталина приступил к беспощадным и насильственным экономическим преобразованиям.

Россия была отстающей в развитии частью Европы; она никогда не являлась частью ее классического античного наследия, а в средние века находилась под властью монголов. Упреждающая модернизация сверху началась на рубеже XVII–XVIII вв., в эпоху царствования царя Петра I, известного как Петр Великий. Несмотря на достижения, России никогда не удавалось до-

⁶¹ Туземные княжества (англ. princely states) — феодальные государственные образования, формально не входившие в состав Британской Индии. Во главе княжеств стоял местный правитель, но фактически они находились под британским контролем. Туземные княжества занимали примерно 45% территории Индии. — *Примеч. ред.*

гнать Западную Европу. Ее реактивная модернизация, кристаллизованная в паневропейскую эпоху абсолютизма, никогда не доходила до консолидированной конституционной стадии. Разрушительные военные поражения 1905 и 1916–1917 гг. открыли дверь революции.

Сталинизм все теснее соединялся с царской историей: от депортаций в Сибирь до предъявления прав на утерянные имперские земли, такие как страны Балтии и Бессарабия (современная Молдова). Вторая мировая война воспринималась как Великая Отечественная война — повтор Отечественной войны 1812 г. против Наполеона. Соединение жесткого коммунистического модернизма с имперским величием царской Россией несколько ослабло после правления Сталина. Но новое сочетание возникло в последние годы, при Путине, — заимствованный капиталистический модернизм, облаченный в псевдоимперский царизм, обнаруживаемый в позолоченной помпезности Кремля, в новой огромной статуе Петра Великого⁶² в Москве и в возвращении православной церкви в государственные церемонии и ритуалы. Российская модернизация была обусловлена заимствованными моделями, навязанными сверху, а также внутренней эволюцией и революцией.

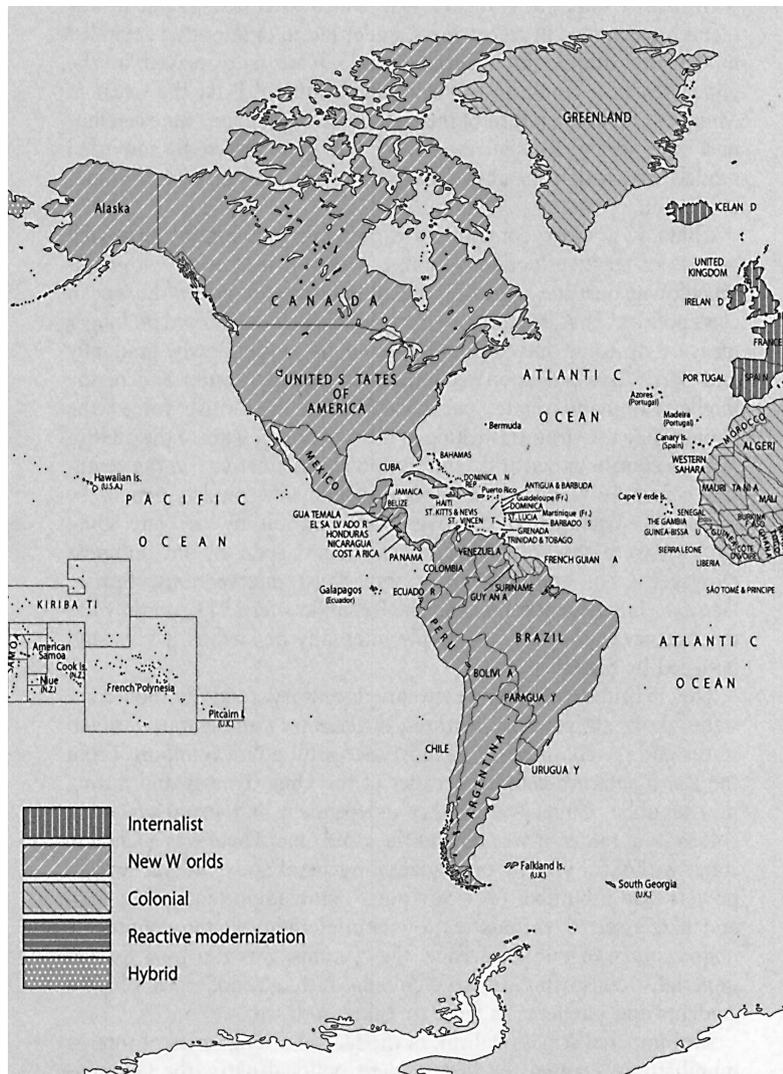
Китай представлял собой более сложный случай гибридного пути к модерну, включавший элементы реактивной модернизации, идентификацию с колонизаторами и восстание против них, а также важное заимствование европейской классовой политики. Тот факт, что его древняя мудрость и великолепие уже не соответствуют все активнее наступающему миру, мало-помалу стал очевиден правящему интеллектуальному классу мандаринов, особенно после того, как британцы вынудили открыть страну для наркотрафика во время двух опиумных войн 1840–1950-х годов. Китайцы не смогли восстановить свой огромный научный и технический потенциал, развитый до 1600 г. н.э., и им пришлось заимствовать новые модели. Попытки реактивной модернизации, предпринятые последними представителями династии Цин, были сорваны придворными интригами вдовствующей императрицы Цыси и империалистическими вторжениями британцев, немцев, японцев и французов. С установлением республики — в период после 1911 г. — попытки

возобновились, однако успешных результатов достичь никогда не удавалось из-за глубоких внутренних расколов и блокады со стороны иностранных держав.

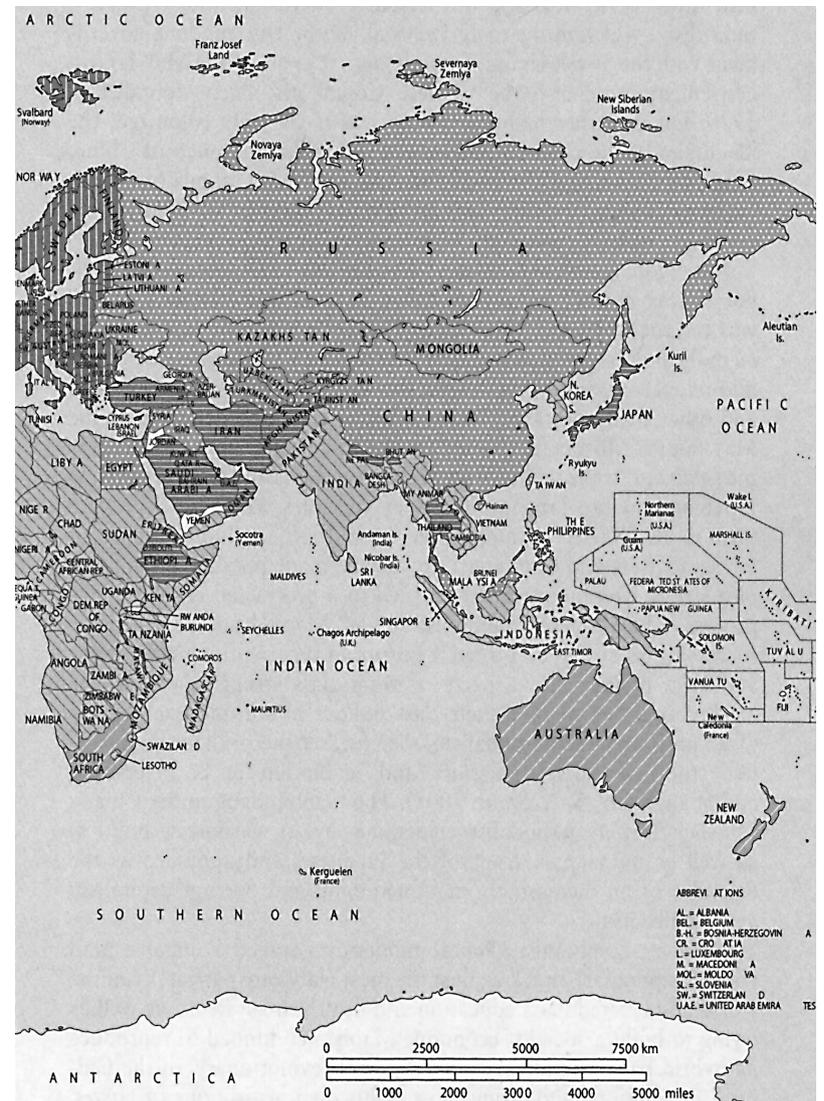
Гибридный характер китайского пути модернизации в XX в. был обусловлен прежде всего двумя специфическими особенностями: двусмысленный государственный статус страны и характер наиболее успешных политических заимствований. В последние десятилетия правления династии Цин в XIX в. и во время республики Китай не был ни независимым и суверенным государством, ни колонией; точнее говоря, он был и тем и другим одновременно. Существовало китайское государство без наместника или генерала-губернатора во главе. Но иностранные державы держали под своим управлением ряд «открытых портов», в первую очередь Шанхай, и утвердили в стране ряд экстерриториальных прав. Основной источник государственных доходов — таможня — управлялась иностранным империалистическим консорциумом. Следуя истинно колониальной моде, китайские студенты-модернисты и интеллигенция получали образование в Токио.

Антиимпериалистический национализм в условиях длительного периода иностранных унижений создал в Китае первую современную политическую партию, ориентированную на модернизацию — Гоминьдан, а также современные массовые движения. Важной вехой стало Движение четвертого мая [1919 г.] против решения Парижской мирной конференции о передаче Японии Циндао — колонии побежденной Германии. Из этого антиколониального национализма выросло поколение иконоборческого интеллектуального модернизма и политического радикализма, которое в начале 1920-х годов способствовало установлению связей между правительством Гоминьдана и Советским Союзом. Коммунистическая партия Китая, основанная в 1920 г., вышла непосредственно из части Движения четвертого мая. С другой стороны, поскольку Китай никогда не был полностью колонизирован, идеологии колониальных держав туда практически не проникали (за исключением колеблющихся политических и торговых кругов Шанхая или нескольких учеников американских миссионеров). Не существовало также и колониальной власти, обладающей полным контролем и способной подавить антиимпериалистическое движение, либо включить его представителей в свой состав.

⁶² Эта статуя работы скульптора З. Церетели была установлена не при Путине, а при Ельцине в 1998 г. — *Примеч. ред.*

КАРТА 4. Пути к модерну

Выбор колониального/антиколониального пути стал ключевым, но не единственным фактором, определившим модернизацию Китая (как это было, скажем, в Индии или Нигерии). Социальная революция также сыграла свою роль. Вскоре после массового, но, в конечном счете, подавленного Тайпинского восстания середины XIX в., древнюю империю охватила волна разрушительной народной революции 1911 г. В Шанхае и других «открытых портах» возник современный рабочий класс. В период Движения четвертого мая он выступил в качестве национальной политической силы, в виде *samba* или «тройной забастовки» студентов, торговцев и рабочих, направленной против Японии и прояпонского Версальского договора. Радикальный поворот Китая в сторону советского пути, после мая 1919 г., а также «импорт» советских советников и коминтерновских организаторов способствовали формированию сильной коммунистической партии, что, в свою очередь, привело к длительному революционному процессу. Успех китайских коммунистов под руководством Мао объясняется тем, что им удалось преобразовать партию рабочего класса и классовую политику европейского типа в партию сельской классовой борьбы, и, прежде всего, соединить классовую политику с антиимпериалистическим, в первую очередь антияпонским, национализмом (см. блестящее сравнительное исследование классов, модернизации и революции в Санкт-Петербурге и Шанхае С.А. Смита: [Smith 2008]). Партия Гоминьдан во главе с Чан Кайши утратила свой национальный мандат из-за своей слабости — как политической, так и военной, — перед японцами, а также из-за своей роли защитницы все более недееспособного и коррумпированного капитализма и системы крупного частного землевладения.

Придя к власти, китайский коммунистический модернизм предпринял массированное (и крайне непопулярное) нападение на самую сложноорганизованную в мире патриархальную систему, создал системы массового образования и здравоохранения, а также предпринял попытку построения социалистической экономики. Маоизм продолжал воспроизводить особенности своего смешанного происхождения. Мао был социальным революционером, в ходе Культурной революции разрушивший большую часть своих собственных институтов власти. Он также был большим поклонником древнекитайской имперской цивилизации, и соглашение, достигнутое между ним и прези-

дентом США Никсоном в 1972 г., было примером мастерской имперской дипломатии эпохи модерна. Сегодня его главным образом помнят и чтят — в степени, не идущей в сравнение с памятью о Ленине и Сталине в России, — за его третью роль, роль антиколониального национального объединителя и освободителя. «Четыре модернизации», реализованные его преемниками, стали поздним, но мощным повторением реактивной модернизации.

ПОСЛЕДСТВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Европейские колониальные поселения, завоевания и угрозы наложили свой отпечаток на весь современный мир [Bayly 2004; Curtin 2000]. Но мир нельзя понять, смотря на него с западной части евразийского континента. Даже такие всеобщие, родившиеся в Европе понятия, как представительное правление и нация, приобрели различные значения и обоснования в других частях мира. Основные понятия социального анализа, такие как религия и класс, обладают совершенно разным значением в разных частях современного капиталистического мира. Пути к модерну оставили прочные, хотя и не вечные и неизменные последствия.

Мы можем выделить, по крайней мере, четыре типа продолжительных последствий модернизации. Первое из них относится к понятию нации и ее отношению к языку и культуре; второе связано с понятиями правления и политических прав, политической культуры и политического поведения, дискурса, политических антагонизмов и организации. Третье последствие — это влияние модернизации на религию, основную форму культуры премодерна. И, наконец, четвертое — воздействие на общественные отношения, власть, почитание (уважение), неравенство, коллективную идентичность. Далее мы кратко остановимся на конкретных проявлениях этих последствий.

Различные нации эпохи модерна

В наше время нация, тесно связанная с государством, представляет собой наиболее важный источник коллективной идентичности. Лишь в редких случаях среди меньшинств она замещается другими идентичностями, при этом, конечно, имеет место и

пространство индивидуального выбора. Сегодня ислам является единственной религиозной идентичностью, которая в определенных, обладающих некоторой значимостью миноритарных средах может возобладать над национальной идентичностью, и тогда он, как правило, соединится со своего рода антиимпериалистическим интернационализмом (см.: [Haynes 1998; Roy 2004: 65ff]). Но в ситуации поляризованного противостояния — как, например, в случае борьбы за независимость Бангладеша от Пакистана — лишь незначительное меньшинство мусульман остались верны наднациональной религиозной идентичности [Khondker 2006]. Иногда образуются крошечные смелые группы по защите прав человека, выступающие против своей нации. В современном мире примером наиболее впечатляющих, хотя и неэффективных, таких выступлений является Израиль.

Нация и национальное государство — это европейские изобретения, которые, так же как и представительное правление, распространились по всему миру. Но схожие понятия приняли различные значения, использовались на разных основаниях и с разными последствиями. Здесь я не имею в виду расхождения в научных определениях и историографические дебаты (краткий вводный обзор дискуссии о понятиях нации и национализма и статьи ее основных участников см.: [Ichijo, Uzelac 2005]). В данной работе «нация» просто понимается как сконструированный политический субъект, от имени которого утверждается право на ту или иную форму признания и самоуправления, которое не обязательно должно быть суверенным государством.

С глобальной точки зрения выделяются две характерные черты европейской нации. Первая — ее опора на народную и территориальную историю, отличную от земельной собственности королевской власти. Вторая — значительная самобытная культура с разговорным языком в качестве ее ядра. Политическое измерение нации (и важное для понятия «свободнорожденного англичанина») было наиболее артикулировано развито в рамках французского республиканского движения эпохи Революции: нация явным образом открыта для инородцев. Однако после революционных объятий со всеми сочувствующими знание французского языка стало обязательным для всех граждан Франции, что дало начало крупномасштабной программе по превращению «крестьян во французов», следуя названию замечательной книги Юджина Вебера [Weber 1979]. Создание нацио-

нальных языков — через стандартизацию различных диалектов и грамматическую и орфографическую кодификацию — стало одной из основных задач интеллектуалов в малых странах Европы в XIX в. от Балкан до Норвегии. Где это было возможно, языки меньшинств были изгнаны из национальной культуры.

Поселенческие государства Америки должны были создать новые нации, которые мифологически и эмблематически опирались, конечно же, на исторические примеры как символические ресурсы: античный европейский республиканизм в случае США, исторический католический опыт и высокая культура доколумбовой эпохи (например, инков и ацтеков) в случае испанской Америки. Но они не утверждали этнокультурную территориальную историю и разделяли свой язык с колониальной метрополией.

Однако наиболее отличительной чертой Нового Света стала его концепция нации как клуба, в который могут и должны приниматься желаемые члены. Целенаправленная политика иммиграции из Европы была основным средством формирования нации. «Управлять — значит заселять», сказал видный аргентинский политик середины XIX в. Хуан Баутиста Альберди [Chanda 2007: 165]. В частности, в Латинской Америке — в Бразилии и например в Аргентине, — эта вербовка членов клуба явно называлась «отбеливанием» или «окультуриванием» нации ([Zea 1965: 65ff, 103ff]; ср.: [Amnino, Guerra 2003]). В течение долгого времени только люди иностранного, европейского, происхождения считались полноправными гражданами новых государств Северной и Южной Америки и Австралии.

Нации колониальной зоны представляют третий вариант нации и национального государства. Здесь не было ни исторических территорий, ни выдающихся исторических народов — только колониальные границы. Редким примером политической мудрости стало решение африканских национальных лидеров принять эти границы, какими бы произвольными и рождающими культурные разногласия они ни были. Али Джинна⁶³ поступил по-другому, и Британская Индия, бóльшая, чем любое доколониальное государство Индии, через страшные погромы

⁶³ Мухаммад Али Джинна (1876–1948) — мусульманский политик, почитаемый в Пакистане в качестве отца-основателя национальной государственности. Был одним из инициаторов и самых активных участников раздела Британской Индии. — *Примеч. пер.*

и разделительные войны распалась на Индию, которую Неру отказался называть Хиндустаном, Пакистан и Бангладеш.

Колониальный язык является, вероятно, самым показательным наследием колониального пути к модерну с его сложными иерархическими отношениями нации и культуры. Результатом стало образование многоязычных стран: в Нигерии существуют, по разным оценкам, 400–500 языков [Simpson 2008: 172], а в Индии, согласно результатам лингвистического анализа недавней переписи населения — по крайней мере, 122 [Mitchell 2009: 7]. Единственные исключения составляют районы развитой доколониальной межъязыковой торговли: индонезийский архипелаг, где возник малайский лингва-франка, переименованный в середине XX в. националистами в индонезийский язык (*Bahasa Indonesia*) (см.: [Anderson 2006: 132ff]), а также Восточная Африка (Танзания и Кения), где — с меньшим успехом — суахили (язык группы банту) развился благодаря арабской торговле и был принят в качестве национального языка, наряду с английским языком и местными наречиями [Githiora 2008; Toran 2008].

Европейская традиция определения нации через ее язык — общая как для французской, так и для немецкой концепции нации, хотя и по разным причинам, — не могла быть распространена на бывшие колонии. Когда это все-таки имело место, последствия были катастрофические, как в случае Пакистана, в котором Бенгальский Восток⁶⁴ (где могольский гибрид языка урду никогда не был родным для большинства населения) противостоял стремившимся насадить урду наместникам из Западного Пакистана⁶⁵ [Rahman 2000].

Общим наследием антиколониализма стал сильный национализм как решительная современная массовая политика, принимающая различные формы в зависимости от выбранного пути к независимости, но без систематических внутренних расколов. В то же время постколониальная культура, как правило, резко разделена на элитарную и массовую. Культура элит обычно вы-

ражается на языке бывшей колониальной державы, т.е. на языке, непонятном большинству населения. Колониальный разрыв, как правило, воспроизводится в столице, где постколониальной элите принадлежат административные здания и частные особняки, а также виллы колонизаторов. Колониальные практики управления обычно сохраняются, хотя зачастую и разлагаются под влиянием коррупции и/или отсутствия государственных ресурсов.

Традиционная власть и ритуалы тоже, как правило, сохраняются, опираясь как на свою колониальную институционализацию, так и на свой национальный мандат. Несмотря на их использование в колониальной системе непрямого управления, традиционные структуры власти зачастую оказывались встроенными в систему современного антиколониального национализма. Так, например, Учредительная программа (1948 г.) радикальной Народной партии конвента Ганы в качестве первой цели требовала «независимость народов Ганы и их *Odikros* [традиционных правителей]» [Рое 2003: 96]. По свидетельствам, хранящимся в Национальном музее Тунку Абдул Рахман в Куала-Лумпуре, современный малайский национализм начался после Второй мировой войны в знак протеста против британских планов по сокращению полномочий традиционных правителей и созданию равных прав колониального гражданства для малайцев, китайцев и тамиллов. Но независимой Индии удалось покончить с туземными княжествами.

Многоязычие большинства постколониальных государств привело к широко распространенной поддержке языка бывших колониальных хозяев в качестве официального или полуофициального (официозного) языка политики и бизнеса. По существу постколониальные нации являются колониальным продуктом, что предполагает тенденцию к воспроизводству внутри нации колониального раздела на колонизаторов и колонизированных.

При реактивной модернизации нация соответствует области, занимаемой царством/королевством в эпоху преמודерна и определяемой *указом* князя, императора, царя или султана. Так ее видели успешные модернизаторы Японии эпохи Мэйдзи, а также менее успешные правители Сиам и Абиссинии и вскоре побежденные модернизаторы Кореи эпохи Чосон, Цинского Китая и Османской империи. Историческое наследие власти, ассоциировавшееся с правящей династией, как правило, дава-

⁶⁴ В 1947 г. историческая область Бенгалии была разделена на две части, одна из которых, где преобладало мусульманское население, отошла к Восточному Пакистану (позднее — Бангладеш). — *Примеч. ред.*

⁶⁵ Урду — один из двух, наряду с английским, официальных языков Пакистана, несмотря на то, что родным его считают не более 7% населения. — *Примеч. ред.*

ло области ее обиходное название (хотя Япония и представляет собой исключение). Задача модернизации здесь состояла не в национальном освобождении, а в преобразовании царства в нацию. В Японии этому во многом способствовал высокий уровень этнической однородности страны, а также переплетавшийся характер религий, обладавших приблизительно одинаковым значением. Наиболее важной мерой, способствовавшей национальному объединению, стала отмена феодальных владений даймё⁶⁶ и возвращение их земель императору. Модернизаторы эпохи Мэйдзи выстроили современную японскую нацию вокруг символа и таинственности императора, чей статус, а не власть, все более и более возвышался по мере того как процесс модернизации прогрессировал, достигнув кульминации в 1930-х годах и в период военных действий в Тихом океане. Будучи столпом национальной культуры, император пережил «безоговорочную капитуляцию» 1945 г. Сохранение его статуса было последним и единственным условием японцев, которое американцы в итоге приняли.

В Японии и Таиланде XXI в. монарх является высочайшим национальным символом, по сравнению с которыми даже британское почтение к монархии и связанные с ней церемонии представляются всего лишь бледными гражданскими ритуалами. Насколько я смог отметить в 2007 г. по конной статуе в Бангкоке, великий реформатор Сиама, король Чулалонгкорн, он же Рама V, даже стал фигурой религиозного поклонения.

Проблемы национального языка и культуры не стояли на первом плане. Они были заданы империей, хотя статус синской цивилизационной культуры пострадал от постоянных поражений Китая. В многонациональных и мультикультурных империях, например Оттоманской, не было своего особого национального языка, достойного распространения.

Формы представительного правления

Европейскими вопросами, касавшимися представительного правления были следующие: должны ли правительства пред-

ставлять народ, или правление является божественным правом королей? Кто обладает правом представлять народ? Какой объем политических прав должен быть предоставлен народу и его представителям?

Несмотря на появление демократии и других форм совещательного правления в почитаемой европейской древности; несмотря на широкое распространение понятия *representatio*, заимствованного из римского права и распространившегося из области деловой активности на мир политики; несмотря на средневековые традиции представительного правления, где самые высокие должности — Папы Римского и императора — являлись выборными, потребовалось очень много времени, чтобы наконец ответить на эти вопросы. Фактически этот процесс про-длился 350 лет: от Английской гражданской войны 1640-х годов до установления всеобщего избирательного права в Швейцарии в 1971 г., демократизации Пиренейского полуострова в середине 1970-х и запоздалого признания коммунистами результатов конкурентных выборов в конце 1980-х годов. Даже принципам народно избранного правительства и «демократии», допускающим двусмысленные толкования, потребовалось много времени, чтобы стать европейским мейнстримом: первому — к концу Первой мировой войны, а второму — после разгрома фашизма в 1945 г.

Почему этот процесс затянулся так надолго и спровоцировал так много революций — это слишком сложная история даже для краткого изложения в этой книге. Но в его основе лежал тот факт, что главной задачей представительного правления в Европе эпохи модерна было основополагающее внутреннее социально-экономического упорядочение общества — вопрос, вокруг которого сталкивалось множество хорошо организованных интересов. Одни из них проистекали из «старой» европейской средневековой традиции, другие, новые, — из стремительно развивающегося классового индустриального порядка. Из европейского пути выросли политические системы, характеризующиеся четко прочерченными линиями социальных расколов и детально разработанными идеологиями, вытекающими из фундаментальных внутренних конфликтов и мотиваций противоборствующих сторон.

Традиционная власть, в итоге потерпевшая поражение в прямом столкновении с модерном, была серьезно ослаблена и

⁶⁶ Даймё (яп. букв. «большое имя») — крупнейшие феодалы средневековой Японии, управлявшие полуавтономными областями, ханами. — Примеч. ред.

в ряде случаев разрушена. Монархи стали просто символами, а признанные публичные фигуры, как, например, традиционная аристократия, либо исчезли, либо, как в случае Великобритании, стали исключительно элементом монархического декора (хотя и есть несколько очень богатых владельцев городской земли, например герцог Вестминстерский).

В образованной левыми и правыми партиями политической системе, имеющей четко прослеживаемые корни в классовой структуре и в организованных по классовому принципу экономических организациях и институтах, мы все еще можем увидеть политико-идеологическое влияние профсоюзов и объединений работодателей. Кроме того, в еще живой истории идеологических «измов» и программ, почти все они — от легитимизма до анархизма и коммунизма — «монеты» европейской «чеканки». Единственным исключением является фундаментализм — изобретение США, первоначально проявившееся в христианских течениях библейского пояса⁶⁷.

В Новом Свете на американском континенте проблема прав и представительства народа решалась в войнах за независимость. Основными вопросами здесь были следующие: кто является народом? Каким образом политические права должны быть реализованы? Являлись ли рабы, бывшие рабы и индейцы частью народа, чьи права смело провозглашали «просвещенные» декларации независимости и новые конституции? Очевидно, что нет. Раскол между завоевателями, с одной стороны, и туземным населением и рабами, с другой, породил политическую культуру, характеризовавшуюся огромным разрывом между политической риторикой и политической практикой. Первая носила универсалистский характер: свобода, власть народа, права человека, равенство людей; последняя же, будучи партикуляристской (и сексистской, что в течение долгого времени было универсальным партикуляризмом), являлась также принципиально расистской и институционально манипулятивной. Никто лучше не выразил суть этого огромного разрыва в американской политической культуре, чем Джордж Вашингтон, национальный герой США. Во время Войны за независимость,

услышав, что последний британский губернатор обещал свободу рабам за поддержку англичан, Вашингтон охарактеризовал его как «лукавого предателя прав человечества» [Schama 2006: 18]. Несмотря на поражение южных рабовладельцев в американской Гражданской войне, всеобщее избирательное право для представителей всех рас было установлено в США только в 1968–1970 гг., после почти двух столетий независимости.

Латиноамериканцы проявляли расизм в целом в гораздо меньшей степени, чем североамериканцы. Однако рабство сохранилось в Бразилии дольше (до 1888 г.), чем в США, а явный отказ неграмотной части населения в праве голоса сохранялся в Чили, Перу и Эквадоре до 1970-х годов, в Бразилии — до 1989 г. Австралийская лейбористская партия недвусмысленно придерживалась лозунга «Сохраним Австралию белой!» вплоть до 1970-х годов.

Раздвоение политической культуры приняло несколько форм. Одной из них — ни в коем случае не уникальной для Северной и Южной Америки, но обладающей определенной значимостью, находясь в фокусе разногласий, — стала фальсификация выборов. Поэтому самой продолжительной, кровавой и глубоко социально укорененной революцией в этом полушарии стала Мексиканская революция 1910 г., начавшаяся под скромным лозунгом «Действующее избирательное право без переизбрания!» (президента), а демократической вехой в Аргентине стало принятие (президентского) Закона Саэнса Пеньи в 1912 г., установившего принцип тайного голосования. Однопартийный юг США официально не принимал законов, отказывающих неграм в политических правах, однако полагался на окольные уловки и практики для достижения этого.

В новых обществах поселенцев Северной и Южной Америки идеи эпохи модерна стали общепринятым мейнстримом, прежде всего, после обретения независимости. По сути им пытались противостоять только католический клерикализм в Колумбии и некоторых других частях Латинской Америки. Отделение оставляло после себя ряд внутренних расколов, особенно если его противники эмигрировали (в Канаду из США, в Испанию из Перу) или были побеждены в ходе борьбы за независимость, как в Мексике. От традиционалистской политики и идеологии практически ничего не осталось. Либерализм в широком смысле термина, обозначающим защиту частной профессио-

⁶⁷ Библейский пояс — территория на Юге и Среднем Западе США с обладанием приверженцев радикальных течений протестантского фундаментализма. — *Примеч. ред.*

нальной деятельности, частной собственности и частной веры, другими словами — свободы, а также приверженность науке и прогрессу (разуму), пользовался здесь бóльшим интеллектуальным влиянием, чем в Европе. Из-за значительно более слабого акцента на идеологические различия марксистская мысль и политика время от времени гораздо легче проникали в основные политические течения, такие как либерализм Нового курса в США, креольский популизм на Кубе, в Гватемале и Аргентине в 1940-х годах или в радикализм и левую христианскую демократию в Чили в 1960-х и 1970-х годах. Она также легко смешивалась с левыми христианскими движениями, как в случае Рабочей партии Бразилии и коалиции, поддержавшей Лулу⁶⁸ на президентских выборах.

В колониальной зоне ключевым вопросом правления стало представительство колонизированного населения в правительстве своей страны. Постепенно это право было признано англичанами и французами (за исключением Алжира), однако отклонено португальцами и африканскими колониальными режимами Южной Африки и Родезии. В последних случаях независимость стала результатом войны (или затяжной борьбы и международных санкций), однако в первом случае она была достигнута посредством конституционных переговоров. Независимость стала не прямым демократическим завоеванием (в 1958 г. она была отклонена на референдуме во всей французской части Африки, за исключением Гвинеи), а сделкой, заключенной политической элитой, пришедшей к власти через избирательный процесс (с изменяющейся организацией избирательных округов) в качестве законных представителей колонизированного народа.

Представительные правительства в колонизированной зоне сосредоточились на вопросе прав колонизированного населения представлять свою страну, но мало внимания было уделено правам людей в отношении их представителей в правительстве.

В рамках постколониальной политики представительство народа было, как правило, незначительным и косвенным и находилось в тени исполнительной власти. Даже в центре такой впечатляюще гибкой демократии, как индийская, стоит полити-

ческая династия Неру—Ганди, династия руководящей Партии конгресса. Политические расколы сильнее укоренены в традиционной этнической, религиозной и языковой неоднородности нации, чем в ее классовой структуре.

Проницательные правители стран реактивной модернизации, например, Мэйдзи в Японии или Новые османы в Стамбуле, заметили, что мощные, угрожающие им имперские державы создали конституционные представительные правительства. Это было истолковано как причина их силы и сплоченности. Так, в рамках этого четвертого пути к модерну народные политические права и представительные правительства возникли как ответ на вопрос: каким образом может быть усилена национальная сплоченность?

В 1881 г. японское правительство объявило о своих планах по созданию конституции к 1889 г. и проведению выборов (с очень ограниченным избирательным правом) в 1890 г. и сдержало свои обещания. Право на представительство было дано свыше для «удовлетворения народа и для того, чтобы он мог активно сотрудничать с правительством в деле достижения модернизации и полного национального суверенитета» [Mason 1969: 24]. Однако демократия была установлена лишь после национального поражения и катастрофы только в 1940-е годы). Но в Турции даже и национального бедствия было недостаточно. После крушения Османской империи новый режим под руководством Кемалья Ататюрка проводил гораздо более энергичную и насильственную модернизацию сверху с большим политическим участием, но не демократией.

В рамках реактивной модернизации сверху практически не было места инакомыслию. По определению она означала инструментализацию нации, политики, науки и прогресса с целью сохранения режима перед лицом реальной или воображаемой внешней империалистической угрозы. Поскольку свобода, равенство и братство в общепринятом восприятии были predeterminedены как инструменты режима и его укрепления, внутренние социальные противоречия с самого начала не допускались либо держались вне поля зрения. Это, конечно, не предотвратило появление радикальных течений, в целом руководствующихся идеями модерна, в Японии, Сиаме, Турции и неколонизированной части арабского мира, а позже и либерального диссидентства в Советском Союзе. Но они столкнулись с менее плодород-

⁶⁸ Луис Инасиу Лула да Силва — президент Бразилии с 2003 по 2011 г. — *Примеч. ред.*

ной почвой, а также с более жесткими репрессивными мерами, чем в Европе или Америке.

Сама идея реактивной модернизации заключалась в сохранении традиционной власти в новых условиях. На таком пути к модерну — в той мере, в какой он был успешным, — возникло тесное переплетение современности с традицией, иерархии и поклонения с чувством общности, гордости за традиции страны со стремлением к новизне, присущем эпохе модерна. Распространяющийся повсюду консервативный национализм (с маленькой буквы «к») подавил слабые и/или изменчивые политико-идеологические расколы. Уважение к рангу и старшинству по-прежнему важно в японском и тайском обществах.

СУДЬБА РЕЛИГИЙ

Во всем мире религия — это древний традиционалистский институт. Священные правила и обряды были ядром большинства обществ до эпохи модерна и в значительной степени самой Европы. Однако в резком скачке к эре политического модерна роль религии была очень различной.

Во внутренних конфликтах в Европе христианские церкви (протестантские, но также католическая и православная) были на стороне проигравших традиционалистских сил антимодерна. Образец был задан Английской гражданской войной и Великой французской революцией, несмотря на тот факт, что на начальном этапе революции во Франции в ее первых рядах выступали представители низшего духовенства, такие как аббат Сийес и аббат Грегуар. В XIX в. папство стало центром европейского антимодерна. Протестантизм оказался разделен на консервативную «Высокую церковь»⁶⁹ и умеренно прогрессивных инакомыслящих, главную основу англосаксонского и германского либерализма (ср.: [Porter 2000: ch. 5]). При этом либерализм в Латинской Европе и Латинской Америке тяготел к антиклерикальному секуляризму. Но в Европе возник и реакционный протестантский фундаментализм, лучше всего представленный голландскими контрреволюционерами-кальвинистами,

⁶⁹ Высокая церковь — направление в рамках протестантизма, стремящееся сохранить дореформационное традиционное богослужение. Настаивает на важности церковного облачения, архитектуры и музыки. — *Примеч. ред.*

появившимися изначально в роли врагов Великой французской революции и оставшимися таковыми в отношении всех последующих революций, в том числе антиколониальной революции в Ост-Индии.

Такая антимодернисткая позиция дорого стоила европейской церкви, и сегодня Европа является самой секуляризованной частью мира. Однако были и исключения, когда церковь становилась главным глашатаем нации, выступавшим против иностранных, как правило, ориентированных на модернизацию, сил. Так произошло в католических Хорватии, Ирландии, Литве, Польше и Словакии, а также православных Балканских странах и протестантской Северной Ирландии.

В Америке протестанты-неконформисты Новой Англии считали себя строителями нового социального мира — «града на холме» — и передовым отрядом небес. Здесь не было ни одной «высокой церкви», которая отождествляла бы себя с британским правлением. Сегодня Северная Америка является богатым мировым центром религиозности. Она выступила инициатором слияния христианства и капитализма в «теологии успеха» и в телевизионных религиозных программах, занимающихся личной «раскруткой» пастырей и торговлей набожностью. Она также породила жестокий фундаментализм, не имеющий христианских эквивалентов нигде в мире, но схожий с современным воинствующим исламом. Американские крестоносцы атакуют, в частности, клиники, в которых делают аборт, и работающих в них врачей, что иногда приводит к убийствам.

Во главе национального движения испаноязычной Америки часто стояли священники (например, Идальго и Морелос в Мексике), дававшие его лозунги [Brading 1998: 43ff; Demelas 2003: 353ff]. Мексиканские националисты боролись под знаменем Девы Марии Гваделупской, впервые явившейся в 1531 г. Церковь подверглась преследованиям со стороны испанских Бурбонов во второй половине XVIII в. и не была колониальным оплотом испанской королевской власти. Эпоха Просвещения оказала влияние на часть духовенства, которое зачастую идентифицировало себя больше с индейцами, чем с испанской властью, как, например, иезуитская миссия в Парагвае. Хотя вдохновленный Европой антиклерикализм позже достиг и этого региона, религиозность оставалась центральным элементом общественной жизни Латинской Америки.

МИР: РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

World Bank. World Development Report. Washington (DC): World, 1990.

World Bank. Averting the Old Age Crisis. New York: Oxford University Press, 1994.

World Bank. World Development Indicators. Washington (DC): World Bank, 2000.

World Bank. Globalization, Growth, and Poverty. Washington (DC): World Bank, 2002.

World Bank. World Development Indicators. Washington (DC): World Bank, 2005.

World Bank. Purchasing Power Parities ICP. Washington (DC): World Bank, 2007a.

World Bank. Remittances Trends. Washington (DC): World Bank, 2007b.

World Bank. World Development Report. Washington (DC): World Bank, 2007c.

World Bank. Migration and Development Brief 5. Washington (DC): World Bank, 2008.

World Bank. World Development Report. Washington (DC): World Bank, 2009.

World Bank. World Development Report. Washington (DC): World Bank, 2010.

Wrong M. In the Footsteps of Mr Kurtz. London: Fourth Estate, 2000.

Yadav N. Gender, Caste and Class in India. New Delhi: Pragnu, 2006.

Xiang Biao. Ethnic Transnational Middle Classes in Formation: A Case Study of Indian Information Technology Professionals // A. Saith, M. Vijayabaskar, V. Gayathri (eds). ICT and Indian Social Change. New Delhi; London: Sage, 2008. P. 341–368.

Zea L. El Pensamiento Latinoamericano. 2 vols. Mexico: Pormaca, 1965.

Zeng Yi. Marriage Patterns in Contemporary China // P. Xizhe, G. Zhigang (eds). The Changing Population of China. Oxford: Blackwell, 2000. P. 91–100.

Научное издание

Серия «Социальная теория»

ЙОРАН ТЕРБОРН

МИР: РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Редактор

НАТАЛЬЯ КУПРИЯНОВА

Верстка

НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор

НАТАЛЬЯ ГОЛИКОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 27.08.2015. Формат 60×90/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 17,4
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1704. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10